

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС

ФЁР Черная Вода

КТО ЖЕ ЭТОТ
ТАИНСТВЕННЫЙ
МЕРТВЕЦ,
КОТОРЫЙ ВРОДЕ БЫ
И НЕ ЖИЛ ВОВСЕ?..

Иностранный детектив

Андреас Фёр

Черная вода

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

Фёр А.

Черная вода / А. Фёр — «Центрполиграф»,
2017 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08737-9

Черная полоса в жизни обермейстера полиции Лео Кройтнера, казалось, подходит к концу. Совсем недавно при производстве домашнего шнапса он едва не сжег дом, а за лихую езду на время лишился прав. И вот на костюмированном балу в пивной мельницы Мангфаль на его ухаживания ответила женщина, на взаимность которой он не смел и надеяться. Вечер обещал завершиться вожаденной близостью, но куда привести возлюбленную? Авантюрист Кройтнер быстро находит решение. Берет у знакомых ключ от особняка местного жителя, который сейчас в отъезде. Подбивает отца своего начальника Вальнера пуститься во все тяжкие, и на машине старика троика отправляется в пустующий дом. В спальне вместо женских ласк Кройтнера ждет неприятный сюрприз – труп хозяина особняка. А неадекватная девица с пистолетом в руке, появившаяся из соседней комнаты, ранит полицейского в голову. Казалось бы, преступление банальное, и убийца в руках правосудия, но блестящий дуэт двух полицейских, Вальнера и Кройтнера, не позволит увести расследование в неверном направлении.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-227-08737-9

© Фёр А., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	43
Глава 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андреас Фёр

Черная вода

Роман

Andreas Föhr
Schwarzwasser

© 2017 Knaur Verlag In imprint der Verlagsgruppe Droemer Knaur GmbH
& Co. KG. All rights reserved

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Посвящается Дамарис

Пролог

Берлин, осень 1996 года

Девушке было двадцать три года. Она жила в третьем заднем дворе старого здания в Кройцберге. Когда в 6:44 утра она вышла из дому, на ней были джинсы, вязанный пуловер и утепленные наушники поверх коротких черных волос с синей прядью.

Было холодное октябрьское утро, за полчаса до рассвета, уличные фонари подсвечивали туманную зарю, первые опавшие листья лежали на тротуаре. В конце улицы девушка свернула на Мерингдамм и через тридцать метров оказалась у входа в метро.

Аксель Баум припарковал машину на углу, чтобы наблюдать за девушкой от двери дома и вплоть до входа в метро. Она поедет до площади Савиньи, где работает официанткой в одном из кафе. Это он уже выяснил два дня назад, проследив за ней.

Сегодня может на этом сэкономить. Он съест на завтрак колбасу карри и оглядится в ее квартире. Возможно, у нее найдутся наркотики или другие вещи, с помощью которых удастся серьезно осложнить ей жизнь. Потом он поспит пару часов, чтобы набраться сил. Вечером Баум планировал узнать, с кем встречается девушка в свободное время. Была пятница.

Несколько дней спустя

Они пришли вдвоем, чтобы узнать, что накопал Баум. Возможно, из любопытства, возможно, из-за того, что у них была общая цель. Марк и Регина Аугустин, ему тридцать, ей на четыре года больше. Ухоженные, хорошо одетые брат с сестрой. Баум всегда чувствовал себя неуютно в присутствии людей, с рождения обладающих деньгами. Осанка, с какой они приветствовали других, и особые манеры, суть которых Баум так и не мог уловить, создавали расстояние между ними и простыми смертными и вызывали у него дискомфорт. Еще шесть лет назад Баум не встречал им подобных. Да что там, кое-что и сейчас вызывало недоумение. Хотя он вполне успешно приспособился к свободному рынку, поскольку работал в области, в которой ГДР не просто находилась на мировом уровне, но была лидером: торговля информацией. Разумеется, подобные дела выпадали не часто. Но, выведя одной ненавязчивой подсказкой своего предыдущего работодателя в лидеры, Баум стал пользоваться уважением и доверием к своей профессиональной компетенции, каких удастаивались, быть может, только спортивные тренеры, явившиеся из новых земель.

Баума пригласили в городскую квартиру Регины Аугустин на Кудамме, потому что встреча здесь была незаметнее, чем в доме в Груневальде. Квартира была обустроена со вкусом, но несколько холодно. Здесь никто не жил. Квартира предназначалась для гостей. Благородная пара восседала на диване: он – заложив руки за голову, она – закинув ногу на ногу. На улице уже стемнело, тем не менее на столе стояла только вода, как будто профи не пьют. Если бы они знали, сколько он употребил во время службы в Штази. Ну да ладно. По крайней мере, оба курили. Баум тоже засмолил и уткнулся в свою тетрадь.

– Мириам Кордес родилась 3 марта 1973 года, проживает на Бергманнштрассе, 92, в течение последней пары недель работает в качестве кухонной прислуги в кафе «Бленике» на Бляйбтройштрассе. Родом из Брауншвейга, посещала там гимназию, которую бросила в двенадцатом классе. Потом один год в Кёльне, нерегулярные работы на телевидении, в 1990-м переехала в Берлин и так далее. Я не хочу вас утомлять. Все есть в письменном отчете. До недавнего времени госпожа Кордес вела довольно беспорядочную жизнь и время от времени

употребляла наркотики. Дважды была задержана с кокаином. Два месяца тому назад получила еще один приговор с испытательным сроком в связи с сопротивлением агенту полиции и нанесением телесных повреждений. В настоящее время старается держаться от кокаина подальше.

– Откуда вы это знаете? – На лице Регины Аугустин читался неподдельный интерес: подобным вещам не было места в ее мире.

– Потому что она не захотела покупать его. И это притом, что цена была действительно невысокой.

– Вы сами ей предложили?

– Вам в самом деле нужны подробности?

Регина промолчала.

– И что у нашего дяди общего с этой наркоманкой? – Марк Аугустин подался вперед, продолжая держать руки за головой.

– Похоже на то... – Баум пролистнул свои записки, хотя прекрасно знал, что сейчас скажет, – что госпожа Кордес предложила себя пожилому господину в качестве эскорта.

– О боже, нет! Это омерзительно. – Регина Аугустин поморщилась от отвращения и взглянула на брата, требуя моральной поддержки.

– Мой бог, он овдовел пять лет тому назад. Если у него есть потребности – почему нет?

– Ах, это нормально? Прошу прощения. А я-то думала, что люди нашего круга так не поступают.

– Как видишь, поступают. – Марк снова повернулся к Бауму: – Это значит, что она вроде как... девушка по вызову?

– Называйте это как вам угодно. Она многократно сопровождала вашего дядю в поездках выходного дня на Остзе и что-то за это получала.

– Да, это и правда можно так назвать! – Регина презрительно усмехнулась.

– Между ними должно быть нечто большее, – предположил Марк. – Выходные или даже два или три... Хорошо, и сколько за это платят?

– Ты, похоже, и сам это знаешь, – прошипела Регина.

– Полагаю, пара сотен марок и, скажем, милое платьице или сумочка. – Баум попытался придерживаться бесстрастного тона, чтобы сгладить возникшее между клиентами напряжение. – Но передавать все свое состояние – это уже... необычно.

– Это жестоко. – Регина в отчаянии покачала головой и, казалось, была близка к слезам. – Вы должны знать, что «Шварцвассер¹ лтд» уже много лет находится в семейном владении. И, к сожалению, наш дядя – не слишком вдаваясь в дела – ничего не сделал для компании. Он всегда только тратил деньги. Наш дедушка увидел это и хотел назначить наследниками моего брата и меня. Но не успел.

Баум сделал сочувственное лицо, хотя беспокойство богатеньких детей было ему до одного места. На самом деле он может предъявить новый счет, подумалось ему. Почасовая ставка в сорок две марки была слишком низкой. На следующем деле ему следует взять побольше.

– Хорошо, – сказал Марк, передавая сестре белый полотняный носовой платок. Бауму показалось, что он разглядел вышитые инициалы «М. А». – Итак, что вы предлагаете?

– При теперешних обстоятельствах судебный процесс не кажется многообещающим.

– Нашего дядю признали дееспособным два профессора психиатрии, – стонала Регина Аугустин. – Очевидно, он это устроил только для того, чтобы оставить без наследства своих единственных близких родственников.

Регине пришлось опять взяться за платок. Баум отнесся с пониманием – по отношению к дяде.

¹ Черная вода (нем.). (Здесь и далее примеч. пер.).

– Есть две зацепки. Мириам Кордес в качестве наследника. И этот адвокат, Дитер Зиттинг. В «Шварцвассер лтд» Зиттинг имеет некоторое влияние, если я правильно понял завещание.

– Вы все понимаете абсолютно правильно.

– Тогда нам нужно сконцентрироваться на нем.

Верхняя Бавария, осень 2015 года

В сентябре это наконец произошло. Что рано или поздно такое случится, было так же неизбежно, как и приход за вечером утра, и можно было делать ставки только относительно точного времени.

Уже пару месяцев, как они открыли на него охоту: младший коллега полицейского обермейстера Леонарда Кройтнера Грайнер и парочка других. *Tempora mutantur!*² Прежде ни один офицер в форме не мог подвергнуть коллегу антиалкогольному контролю и попросить его подышать в трубку. Они просто наблюдали, может ли подвыпивший полицейский ехать прямо. И если возникали проблемы, то помогали ему покинуть машину и позволяли протрезветь в патрульном автомобиле в течение одного-двух часов, пока он снова не становился способен вести машину. Но настали другие времена. Помогать друг другу – сегодня эти слова были забыты. Врачи, слышал Кройтнер, лечили других врачей бесплатно. Это вопрос морали! И в этом смысле полицейские обычно говорили: «Такое опьянение должно бы стоить водительских прав. Но для коллег это бесплатно». А сегодня они даже гордятся, когда вылавливают другого полицейского.

Из-за этого этического провала Кройтнер чрезвычайно осторожно водил, находясь под хмельком. Хотя, будучи не на службе, он в общем знал, где и что контролируется. Но знал не все. Это, конечно, было чем-то ожидаемым во время полевых вылазок, понимал он. Кройтнер видел руку судьбы в том, что похмелье предыдущего дня сохранялось, и почему-то ему не захотелось пробовать пиво на мельнице Мангфалль. Он заказал кувшин ромашкового чая, который полностью опорожнил вечером. По дороге домой он испытал эйфорию. Чай вернул живот в порядок, и непривычная четкость, с которой он видел среднюю полосу, а также ощущение, что они ничего не смогут сделать ему во время контрольной проверки, привели Кройтнера в экстаз. Он с удовольствием летел сквозь ночь, трезвый как младенец и неприкасаемый. В его возвышенном сознании появилась первая трещина, когда на обочине дороги мелькнуло что-то красное.

– Ну ты и крутой, уважаемый коллега. – Конечно, это Грайнер тормознул его. – Как думаешь, с какой скоростью ехал?

– Без понятия. Я же не смотрю на спидометр постоянно. Восемьдесят?

– Так! Сто сорок два как одна копеечка. Минус три процента, будет сто тридцать семь. Это дает... – Грайнер покопался в книжице, хотя Кройтнер был уверен, что тот знает тарифы штрафов наизусть. – Двести сорок евро, два пункта и корочки долой.

– Эй, Грайнер, мы же коллеги...

– И что?

– Некрасиво так поступать со своими.

– Ты не в банановой республике. Здесь, в Германии, законы распространяются на всех. Даже на тебя.

– По долгу службы я вожу патрульную машину. Мне нужны права!

– Для начала мы немножко успокоимся. – Коллега Грайнер протянул Кройтнеру алкотестер. – Это добровольно. Да ты и сам знаешь.

² Времена меняются! (лат.)

Кройтнер взял прибор, с силой дунул и с озабоченным видом отдал Грайнеру. Тот посмотрел на показания и наморщил лоб.

– Гребаный прибор! Что с ним такое? Кройтнер управляет автомобилем, трезвый как стеклышко.

Он передал алкотестер своему коллеге, который тоже недоверчиво покачал головой.

– Поздравляю. Ты беременный?

Кройтнер не захотел присоединяться к веселью дежурного коллеги.

– Тогда остается только превышение скорости. Скоро получишь письмишко, – пригрозил Грайнер, возвращая Кройтнеру его бумаги.

– Подожди секундочку. С этим же можно разобраться по-другому.

Грайнер задумчиво посмотрел на Кройтнера и наконец подошел ближе и сказал приглушенным голосом:

– Например, разделить двести сорок евро по-братски?

– Грайнер, ты в первый раз дело говоришь. – Кройтнер тоже понизил голос, хотя никто, кроме другого коллеги, не мог его слышать. – Что ты об этом думаешь?

– Да, по-братски: восемьдесят, восемьдесят, восемьдесят.

– Скажем, по полтиннику на каждого и бутылец самогона сверху.

Кройтнер был сейчас в своей стихии и ждал следующего предложения Грайнера. Но тот молча глядел на Кройтнера. Наконец он сказал:

– Это была шутка. А теперь отползай, иначе попадешь под статью о взяточничестве в отношении государственных служащих.

Начиная с этого момента зло обрело для Кройтнера фамилию Грайнер. И Кройтнер будет теперь упорно ждать подходящего случая для мести.

Возможный одномесечный запрет на вождение сорвал Кройтнера с места, пока это еще было возможно. И так получилось, что ближайшая потребность в автомобильных правах случилась на карнавале.

Глава 1

Мисбах, 31 января 2016 года, 23:02

Ночь выдалась морозная. Облако собственного дыхания окружило Клеменса Валльнера, когда он вышел из такси. Вопреки обыкновению Валльнер был расстроен. Он навестил некую Стефани Лауберхальм, даму замечательную минимум по двум причинам. Во-первых, она была практикующей ведьмой. Через свой веб-сайт предлагала базовые курсы магии, травничества, исцеления камнями. Кроме того, можно было заказать магическое вмешательство Стефани, чтобы справиться с болезнью, депрессией или злыми духами в собственном саду. Во-вторых, Стефани была опекуной Оливии, девочки двенадцати лет – единокровной сестры Валльнера, о существовании которой он долгие годы не имел понятия. Странный поворот судьбы свел брата и сестру пару лет назад.

Валльнер стоял в холодной ночи и смотрел на комнату на втором этаже, в которой спал его дедушка Манфред. Было темно. В других комнатах тоже не было света. Валльнер удивился. Манфред редко отправлялся в постель до полуночи. И Валльнеру нужно было срочно с ним поговорить. То, что он узнал, настолько поразило его, что не терпело промедления.

В доме было тихо. Валльнер повесил пуховик на вешалку и прислушался. Работал холодильник. Больше слушать было особо нечего.

Дверь в комнату Манфреда была открыта. Валльнер остановился перед дверью и принялся вглядываться в темноту. Свет тонкой полоской падал на лакированный буфет. Тихо. Никакого дыхания, никакого храпа. Валльнер ощутил, как перехватило горло. Был ли это тот момент, которого он боялся годами? Валльнер всегда надеялся, что дед спокойно умрет в своей постели. Но сейчас это было бы чертовски не вовремя.

– Манфред? – Голос Валльнера был низким и напряженным. Нет ответа. Он постучал. – Ты в постели?

Валльнер толкнул дверь. Полоска света стала шире и попала на постель. Она была пуста.

Взволнованный Валльнер прогромыхал вниз по лестнице, поискал записку на кухонном столе. Что-то вроде: «Ненадолго вышел. В полночь вернусь». Но это было бы абсурдно. Манфред никогда не выходил из дому ночью, тем более не сказав об этом Валльнеру.

Валльнер открыл дверь гостиной. Комната была пуста, как и весь дом. Валльнер прочесал его от чердака до подвала. Покончив с этим, он сел за кухонный стол, медленно вдохнул и выдохнул и заставил себя мыслить рационально. На самом деле было только одно объяснение: Манфред впал в состояние дезориентации. Посредством удара, кровоизлияния в мозг или первого симптома деменции. Он покинул дом и блуждал теперь в ночи. Валльнер направился к гардеробу. Дедов пуховик висел там. Манфред вышел на холод без куртки.

Валльнер решил отправиться на поиски Манфреда. Но ключа от машины не было. Он всегда лежал в муранской пепельнице перед зеркалом в гардеробной. Всегда. Почему же сейчас его нет? О господи... Чтобы не терять времени, он взял запасной ключ из ящика, вышел из дому, не запирая его, и открыл дверь гаража. Пусто. Хоть шаром покати...

Валльнер позвонил в полицию и описал ситуацию. Полицейский на коммутаторе обещал объявить в розыск Манфреда и машину Валльнера.

Валльнеру захотелось выпить шнапса, но он удовольствовался минеральной водой. Грудь сдавила тревога. Чтобы хоть чем-то себя занять, Валльнер сел за ноутбук и написал список мест по соседству, где Манфред бывал чаще всего, особенно в детстве, потому что это было время, о котором люди с деменцией помнили лучше всего. Итак, когда с Манфредом в пер-

вый раз случился приступ деменции? Валльнер присоединил воспоминания к многим другим неразрешенным вопросам этого вечера и отправил список в полицию.

– Посмотри, пожалуйста, свои мейлы, – сказал он коллеге на телефонном коммутаторе, – я послал тебе список.

– Уже посмотрел. Все ясно.

– Это места, в которые Манфред, возможно, отправился.

– Да, понятно.

– Может быть, если вы сосредоточитесь на этом...

– Все ясно. Я пошлю список дальше. – В голосе коллеги слышалось нетерпение.

– Большое спасибо. И, пожалуйста, в любом случае звоните. Я на связи.

– Подожди секунду, – перебил коллега. – Вот как раз что-то идет.

Он перевел звонок Валльнера в режим ожидания. Валльнер держал трубку рядом с ухом. Когда агент после минуты ожидания так и не объявился. Валльнер запаниковал, дернулся и пожевал кутикулу. После двух бесконечных минут в трубке раздался слабый треск.

– Да, это снова я. – Нетерпение в тоне собеседника исчезло, и это насторожило Валльнера. Голос коллеги звучал обеспокоенно и подавленно.

– Что там такое?

– Да тут все немного запутанно. Шартауэра вызвали в один дом, и... он там сейчас... – Агент колебался.

– Что случилось? Почему его вызвали?

– Ну... там нашли труп. – Коллега замолчал. Ему, казалось, не хватало воздуха.

– Что за труп? Слушай, мужик, да скажи уже! – Валльнер встал и обошел кухонный стол.

– Они еще не идентифицировали мертвеца. Но это точно... старый человек, и... твоя машина стоит перед домом.

Глава 2

Пивная «Мельница Мангфалль», 22:40

«Затаив дыхание, сквозь ночь...» Мужик на сцене пел страстно, с закрытыми глазами, черные штопором локоны падали ему на плечи. На танцплощадке вздымались тела и лица – восторженные, потные, рты открывались и хрипели рефрен в световые импульсы стробоскопа. В репертуаре кавер-бэнда были в основном композиции типа Hell Bells рок-группы AC/DC, но парни проявляли гибкость, когда это было необходимо. А сейчас, несомненно, требовалась Хелена Фишер³. Костюмированный бал без «Затаив дыхание...» как-то не получался.

Леонард Кройтнер в костюме браконьера энергично двигался, бич кружил по воздуху, широкополая шляпа едва держалась на затылке, руки трепетали на высоте головы. Он то и дело поглядывал на женщину, которая танцевала напротив него. В платье с блестками в стиле двадцатых годов, парике-каре, она, как будто выпрыгнувшая из фильма «Кабаре», смеялась, хлопая руками за спиной, затем подняла брови, прикрыла глаза, двигалась, опьяненная мелодией. Когда она наконец вновь открыла глаза, ее взгляд был чуть глубже. «Задыхаясь до головокружения», они танцевали совсем близко друг к другу, их влажные, горячие руки двигались рядом, раскручивалось «настоящее кино для нас двоих», он вдыхал ее духи, цветочные, тяжелые и не слишком дорогие.

Кройтнер уже несколько лет как положил глаз на Михаэлу Хундсгайгер, парикмахершу из Роттах-Эгерна. Десять лет назад она пользовалась большим успехом в долине, и подающие надежды сыновья адвокатов и главврачей вертелись вокруг нее. Никаких шансов для простого полицейского без кабриолета 325i. Между тем теперь Хундс гайгерихе было под сорок, и никто из сыновей адвокатов и главврачей так на ней и не женился. У нее был дружок, механик с чернотой под ногтями. Точнее говоря, еще четыре недели назад он был ее дружком. Пока она не послала его лесом. И вот теперь наконец после всех этих лет Кройтнеру выпал шанс. Этой ночью все должно произойти!

– Как ты поступишь, если завтра, скажем, выиграешь миллион? – Кройтнер стоял с Михаэлой возле бара, в руках у каждого был коктейль с блестящей пальмой внутри.

– Миллион! – Михаэла задумчиво сжала соломинку полными томатно-красными губами. Последние капли коктейля забулькали меж дробленого льда.

Кройтнер сильно разгорячился от этого зрелища, но виду попытался не подавать.

– Ну так что? Что ты сделаешь с такими огромными деньжищами?

Взгляд Михаэлы стал серьезным.

– Куплю собственный дом. С библиотекой, как в английском замке. – Она сжала губы и кивнула решительно. – А ты что сделаешь с миллионом?

– Ни в коем случае не стану покупать дом. У меня уже есть один.

Кройтнер прокрутил перед мысленным взором картины владений между Гмундом и Хаусхамом, которые унаследовал от своего дяди Симона несколько лет назад. Дом – это как посмотреть, но пока есть крыша, сказал себе Кройтнер, это дом, а не руины. Кройтнер жил в основном на кухне, остальные помещения были в упадке, обоим шестидесятым годов отваливались от стен. Более того, на прошлой неделе во время перегонки яблочного шнапса он поджег бывшую конюшню и должен был посредством бутылки самогона убедить людей из хаусхамской пожарной службы, что в отчете должны появиться слова «пожар от неисправной проводки».

³ Фишер Хелена (р. 1984) – немецкая певица русского происхождения. «Затаив дыхание, сквозь ночь» – главный ее шлягер.

Помимо неприглядного вида почерневших от сажи стен, во всех комнатах дома воцарился острый запах гари.

– Зеннляйтнер сказал, что это выглядит довольно прискорбно, – заметила Микаэла.

– Мой дом? Он его совсем не знает.

– Ну как же? Где-то между Гмундом и Хаусхамом, так он и сказал. – Она наклонилась вперед, и ее тон стал заговорщическим. – И сзади там черная горелая дыра.

– Ах это! – Кройтнер рассмеялся и покачал головой. – Так он решил, что это и есть мой дом? Вот простофиля!

– Это не твое?

– Мое. Получил недавно в наследство. И как раз планирую сделать ремонт. Устрою там дачу.

Микаэла впечатленно кивнула.

– А твой настоящий дом?

– Э-э-э... недалеко отсюда. – Кройтнер тянул время, соображая, где должен находиться его якобы настоящий дом и как он должен выглядеть.

– С библиотекой?

– Ну а как ты думаешь? Дом без библиотеки – не дом, а коровье стойло. С этого-то и надо начинать строительство.

– Мне бы хотелось посмотреть.

Кройтнер сглотнул. Дама пожелала пойти к нему домой! Намерения обретали реальную форму.

– Да, конечно, и когда?

Микаэла пожала плечами и рассмеялась:

– Да хоть сейчас!

Кройтнеру ударил в голову адреналин.

– О'кей, – радостно подхватил он.

Тем не менее неожиданное предложение порождало много вопросов. И первый: где можно быстренько найти дом с библиотекой? Попросить кого-нибудь из друзей предоставить такой? Из приятелей Кройтнера никто добровольно не прочел в жизни ни одной книги, не говоря уже о том, чтобы обладать библиотекой.

– Итак, – произнес Кройтнер несколько неуверенно, – ты хочешь посмотреть мой дом.

– Да. И что? Не убрано? – Микаэла дразняще похлопала темными ресницами, бросила на Кройтнера томный взгляд, и он почувствовал себя совсем по-другому.

– Мне нужно еще кое-что утрясти. Потом можно будет поехать.

Он помахал Гарри Линтингеру, хозяину мельницы Мангфалль, который стоял за прилавком в жилете, с котелком на голове и с галстуком-бабочкой, полностью посвятив себя смешению дорогостоящих напитков из недорогих ингредиентов:

– Сделаешь Микаэлочке еще раз «Секс на пляже»?

Гарри кивнул. Кройтнер положил руку на предплечье Микаэлы и сказал:

– Сейчас же вернусь.

В туалете Кройтнер набрал номер на мобильнике. Включился автоответчик, и некто по имени Клаус Вартберг попросил оставить сообщение. Кройтнер закончил соединение и выглядел удовлетворенно.

Когда Кройтнер вернулся в зал, парни из кавер-бэнда в традициях своего истинного призвания забавляли присутствующих исполнением You Shook Me All Night Long. Микаэла опять была на танцполе, заложив руки за голову, поводила бедрами в ритм мелодии. Кройтнер помахал ей, давая понять, что они скоро уйдут. Тем временем Гарри Линтингер смешал для Микаэлы коктейль из большого количества апельсинового сока из картонного пакета, льда,

яблочного шнапса и неопределяемого фруктового сиропа. Под конец в стакан упала блестящая пальма.

– Гарри, послушай. – Кройтнер прошел за стойку и встал поближе к хозяину, чтобы не приходилось кричать. – Мне нужен ключ от дома Вартберга.

– Зачем? – Линтингер поставил коктейль на стойку.

– Получишь еще одну партию. – Кройтнер говорил о фруктовом шнапсе черной переконки, который иногда продавал Линтингеру и который сегодня как раз и шел в дело.

– Зачем тебе ключ?

Кройтнер кивнул в сторону танцплощадки. Михаэла, по-прежнему крутя бедрами, послала ему воздушный поцелуй. Кройтнер послал воздушный поцелуй в ответ.

– Ничего не выйдет, – прошептал Линтингер. – Вартберг дома.

– Нет его. Лара сказала на днях, что он собирался куда-то уехать. И телефон не отвечает.

Линтингер скептически взглянул на Кройтнера. Клаусу Вартбергу было за шестьдесят, он жил в особняке, удаленном на пару километров от мельницы Мангфалль. Лара Эверс, молодая девушка, которая прислуживала на мельнице, знала Вартберга. Насколько близко они были знакомы и что их связывало, никто не знал. Однако у Лары имелся ключ от его дома. За две-сти евро Линтингер получил разрешение снять с ключа копию. Не то чтобы Линтингер хотел вломиться в дом. Но если бы Вартберг, у которого не было ни друзей, ни семьи, в один прекрасный день внезапно исчез или умер, можно было бы, при некотором везении, вынести из дома несколько ценных вещей так, чтобы никто не узнал об этом.

– Ты уверен, что его нет? – Линтингер наполнил коктейльный бокал вермутом, добавил самогонки от Кройтнера и приладил сверху компотную вишню из банки.

– Когда он дома, всегда отвечает на звонки.

Линтингер поставил коктейльный стакан на прилавок перед женщиной в костюме инди-анки:

– Один «Манхэттен», мадам!

Линтингер задумался. Вероятность, что Вартберг отправится на костюмированный бал, можно было исключить. Вечером Вартберг никуда не ходил.

– Два ящика. Двадцать бутылок, – напомнил о себе Кройтнер.

Линтингер протянул ему ключ.

– Двадцать четыре.

Кройтнер взглянул на танцплощадку. Там Михаэла как раз принялась танцевать со Спай-дерменом.

Кройтнер сдался и взял ключ.

Теперь ему оставалось добраться до дома Вартберга. Без водительских прав это было, к сожалению, не так легко. Но всегда можно найти решение. Взгляд Кройтнера упал на субъекта за столом в другом конце зала: черная фетровая шляпа, мелово-белое лицо с глазами, обведенными черным. Призрачный маленький человечек сидел перед стаканом пива, позади него к стене была прислонена коса...

Глава 3

– Поворачивай! – Счетчик оборотов двигателя подошел к отметке шесть тысяч, и голос Кройтнера звучал нетерпеливо. – Ну сделай же это!

За рулем старого «Ауди А4 Авант» сидел Манфред Валльнер восьмидесяти шести лет, в фетровой шляпе и черном плаще.

Пассажиров бросило вперед и затем назад.

– Это тормоз, силы небесные! – Кройтнер управлял действиями Манфреда с пассажирского сиденья.

– Я это тоже заметил, не дурак. А теперь налево, как и раньше.

– Нажмешь уже наконец на сцепление?

Манфреду пришлось изо всех сил вытянуть левую ногу, чтобы достать до педали. Из-за этого и потому еще, что он посмотрел вниз, край его шляпы уткнулся в рулевое колесо и закрыл ему глаза.

– Проклятье! Я ничего не вижу.

Кройтнер сдвинул шляпу назад и схватился за руль, потому что автомобиль двигался в направлении сточной канавы.

– Оставайся на сцеплении. Сейчас я переключусь.

Кройтнер положил левую руку на ручку коробки передач, но тут же убрал ее и повернул голову Манфреда в сторону лобового стекла.

– Ты не должен смотреть на мою руку, когда я переключаю. Смотри на дорогу. – Кройтнер переключил передачу. – Поехали!

Двигатель завыл.

– Отпускай сцепление, но медл...

У Кройтнера не получилось договорить, потому что машина прыгнула вперед.

– Медленно, я сказал!

– Да, да.

Кройтнер бросил взгляд назад. Михаэла Хундсгайгер схватилась за верхнюю часть косы и беспокойно посмотрела на Кройтнера.

– Сейчас приедем, – пообещал Кройтнер, – это только небольшое упражнение.

Ближе к вечеру Кройтнер попросил Манфреда отвести его на мельницу Мангфалль. Там проводился костюмированный бал с довольно сомнительной репутацией, в особенности по части соблюдения норм морали. Уговорить Манфреда оказалось несложно. Гигантская шляпа, черный плащ и старая коса из сарая – костюм смерти был симпровизирован быстро, и теперь их ждал безудержный кутеж. Раньше Кройтнер не имел ни малейших угрызений совести по поводу езды без прав. Но на полицейской службе он не мог себе позволить подобного. Когда Манфред не справлялся с управлением машиной, Кройтнер брал на себя переключение скоростей и время от времени рулевое управление, поэтому они доехали до мельницы Мангфалль со скоростью улитки, но живые. Теперь Манфред вел машину в направлении собственности Вартберга. Кройтнер спросил Манфреда, не придется ли ему по нраву приятная вечеринка втроем с Михаэлой. Точный ход этого события представлялся несколько туманным. Но Манфред явно имел большие надежды. В любом случае Михаэла была вполне в его вкусе.

«Ауди» подъехал к сельской усадьбе на заснеженной боковой улице.

– Да, крутотень! – сказала Михаэла Хундсгайгер, когда дом стал хорошо виден.

– Это твоя ферма? – Манфред смотрел вперед.

– Это мой главный дом, – объяснил Кройтнер с пассажирского сиденья.

– Его главный дом! – Манфред смахнул высокий, хриплый, старческий смешок со своего бледного лица и повернулся к Михаэле: – Меня не волнует, чей это дом. Главное то, что мы вместе прекрасно проведем вечер.

– Смотри на дорогу, мать твою! – Кройтнер снова схватился за руль и не позволил машине зарыться в сугроб у дороги.

Ворота на участок были открыты. Это, с одной стороны, устроило Кройтнера, потому что он не знал, подходит ли ключ от дома к воротам. С другой стороны, он насторожился. Если хозяин удалился на некоторое время, как сказала Лара о Вартберге, он закрыл бы ворота. Был ли Вартберг все еще дома? И его ли мотороллер стоял у двери дома? Кройтнер позвонил, прежде чем открыть дверь.

– Что ты звонишь? Это ведь твой дом, – сказал Манфред, стоявший с косой позади Кройтнера.

– Из соображений осторожности. Вдруг в дом кто-нибудь вломился.

Манфред и Михаэла вопросительно посмотрели на Кройтнера.

– Если я появлюсь неожиданно, они испугаются, запаникуют, и тогда всякое может случиться. Понятно?

Михаэла кивнула слегка нервно. Манфред тоже выглядел взволнованным и что-то бормотал, Кройтнер мог рассказывать своей бабушке, что это его дом. Кройтнер отступил на шаг от входной двери и стал изучать фасад. Но в окнах не было света, из дома не доносилось ни звука.

– Все чисто. – Кройтнер сунул ключ в замок и повернул его. Ему опять пришлось удивиться. Дверь была лишь прикрыта, но не заперта.

– Не заперто? – прокричал Манфред.

– Типичный полицейский, – пошутил Кройтнер, повернувшись к Михаэле. – Я постоянно забываю об этом.

После этого странная троица, состоящая из браконьера, Смерти с косой и чарльстонной девицы в шубке из фальшивого меха, вошла в дом.

* * *

Кройтнер пошарил по стене, нащупывая выключатель.

– Добро пожаловать в дом!

Они стояли в длинном коридоре с гардеробной, в который выходило множество дверей. Одна из дверей вела на кухню, другая – в ванную, что было абсолютно ясно, потому что двери стояли открытые. Куду ведут другие было не настолько понятно. Кройтнер взял искусственную шубу Михаэлы и повесил ее в шкаф. Манфред предпочел держать свои вещи при себе.

– Сейчас устроимся поуютнее.

Кройтнер распахнул перед Михаэлой среднюю дверь. Там находилась не гостиная и не библиотека, а подсобное помещение для метелок и ведер.

Михаэла удивленно взглянула на Кройтнера.

Кройтнер, смеясь, захлопнул дверь.

– Шутка!

Со следующей дверью ему повезло. Она вела в гостиную.

Не только открытый камин украшал комнату. Книжные полки на стенах поднимались до потолка. Михаэла была в восторге. На журнальном столике, однако, стояли два использованных стакана для виски и несколько открытых бутылок спиртного.

– Не успел убраться. Сорри.

Манфред, сжимая костлявой рукой косу, всматривался в комнату из-под фетровой шляпы и обеспокоенно поглядывал на Кройтнера. Он догадался: здесь что-то не так. Михаэла тем временем остановилась перед одной из книжных полок.

– Круть! Ты все их прочел?

– Почти все. А парочку даже дважды, – прыснул Манфред в правый кулак, который держал у рта.

– Да! Именно так, – прошипел ему Кройтнер и опять повернулся к Михаэле: – Хочешь чего-нибудь выпить?

– Да. «Секс на пляже», – ответила та и направилась освежиться в ванную.

– А мне пиво, – сказал Манфред и со стоном упал в кресло.

Кройтнер наблюдал, как Михаэла исчезает в коридоре в своем блестящем костюме.

– О'кей, сейчас разберемся. – Кройтнер сел к Манфреду на подлокотник кресла и прокашлялся. – Ты наверняка заметил, что Михаэла неровно ко мне дышит. – Он перешел на шепот: – Сегодня ночью у нас все случится!

Дедушка Смерть молчал и казался задумчивым.

– И хм, было бы супер, если бы ты... ну, держался в стороне. Сделай это для меня.

– Но ты же говорил о вечере втроем! – По-видимому, Манфред не сильно заботился об интересах Кройтнера.

– И как ты это представлял? Думаешь, ей что-то от тебя надо?

Манфред сделал неопределенный жест.

– Ну иди! Нужно все-таки оставаться реалистом.

По пути в ванную Михаэла прошла мимо открытой двери. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы различить кровать. Михаэла остановилась и, слегка поколебавшись, вошла в комнату. Было темно, только свет из коридора проникал внутрь. Михаэла нащупала выключатель возле двери и застыла: в этой комнате тоже были книжные полки до потолка. Поверх полок прикреплены удлиненные лампы, чтобы освещать книги. Возле кровати располагались три двери из темного дерева. Потолочного света не было. Но книжные светильники и прикроватная лампа обеспечивали приятный, подходящий для спальни свет.

Кровать была в тени, за исключением той части, где светилась прикроватная лампа. Михаэле пришлось дважды всмотреться, пока она не поняла, что привлекло ее внимание: одеяло лежало неровно. Там что-то было. Она сделала шаг вперед и увидела серые волосы, выглядывающие из-под одеяла. Михаэла вскрикнула и закрыла ладонью рот.

– По крайней мере, тогда ты должен представить меня твоей матери.

Переговоры между Манфредом и Кройтнером продолжались. Кройтнер меж тем опрокинул разные напитки в большой стакан в надежде соорудить приемлемый коктейль. Но виски и курасао дали малопривлекательный оттенок, да и вкус смеси соответствовал ее виду. Кройтнер как раз задавался вопросом, может ли немного ангостуры исправить ситуацию, когда услышал шаги.

– Пшт! – сделал он знак Манфреду.

В дверях вспыхнуло блестками платье Михаэлы. Она уставилась на Кройтнера. Ужас был написан на ее лице.

– Там... кто-то в твоей постели.

Она часто дышала, ее подбородок дрожал.

– Ах так?! – Кройтнер тоже почувствовал трепет в конечностях, и первая его мысль была о том, чтобы поскорее убраться из этого дома. Но это угрожало разрушить его планы относительно Михаэлы.

– Кто это? – Голос Михаэлы звучал надтреснуто.

– Я... я как раз думаю, не собирался ли кто-нибудь ко мне в гости.

– Я предвидел это, – тихонько посетовал Манфред и глубже натянул шляпу на лоб.

Михаэла беспомощно стояла в дверях, смотрела на Кройтнера и, видимо, ожидала ответа на вопрос о том, что должно сейчас произойти.

– Он бодрствует?

– Думаю, нет. Как это?

– Теперь я вспомнил. Это дядя Вилли. У него есть ключ.

– Он спит в твоей кровати?

– Он очень... болен. Проблемы с сердцем. Нам нужно вести себя потише и пойти наверх.

Кройтнер надеялся, что на втором этаже обнаружится что-то вроде гостевой комнаты или, по меньшей мере, комната с диваном. Интуиция настоятельно рекомендовала очистить территорию как можно быстрее, прежде чем хозяин обнаружит их. Но Кройтнер не хотел упускать хороший шанс заполучить Михаэлу в постель. Как бы то ни было, Вартберг не проснулся, когда она вошла в спальню. Значит, хозяин либо крепко спал, либо был пьян.

– О, проклятье! – Михаэла схватилась за правое ухо под париком двадцатых годов.

– Что такое?

– Моя серьга. Видимо, выпала в спальне.

– Я принесу ее тебе. Никаких проблем.

Кройтнер увлек Михаэлу в длинный коридор. Он шел на цыпочках, как можно тише, чему способствовали горные сапоги браконьера. Кройтнер остановился перед открытой дверью спальни и прислушался. Там было тихо. Ни шуршания, ни дыхания, ни кашля, ни храпа. В комнате лежал мохнатый ковер, поглощающий звуки.

Кройтнер сделал два шага через порог и скрылся в темноте неосвещенной части комнаты. Там он остановился и дал глазам привыкнуть к полумраку. Серьга Михаэлы лежала на одеяле. И, очевидно, кто-то лежал под ним. Кройтнер не видел лица, только прядь седых волос.

Кройтнер осторожно шагнул к кровати и поднял сверкающую серьгу с одеяла, очень медленно, чтобы не шуметь. Затем он приблизился еще на полшага. Ему было любопытно и хотелось посмотреть, кто же под одеялом. Это был пожилой человек. Предположительно домовладелец Вартберг. Кройтнера передернуло: человек смотрел на него. Глаза были открыты, так же как рот. Кройтнер потихоньку поднес руку к носу человека. Ничего, никакого дыхания. Он, со всей очевидностью, был мертв. Кройтнер заметил несколько отверстий в одеяле и разлетевшиеся по комнате перья.

– Нашел? – прозвучало сзади. Михаэла стояла в дверях.

Кройтнер жестом предложил ей покинуть спальню. Через мгновение он вышел в коридор, потянув за собой дверь спальни.

– Вот, возьми. – Кройтнер вручил сережку Михаэле, и та немедленно ее надела.

– Твой дядя Вилли все еще там?

Кройтнер кивнул и задумался. Человек в кровати был мертв. Это объясняло, почему он не проснулся при их появлении. Умер ли он естественной смертью? Или здесь произошло убийство? Что за дыры в одеяле? В любом случае он должен позвонить в полицию. Но это значит расстаться с мыслью о ночи с Хундсгайгерихой. Гнев и отчаяние захлестнули Кройтнера. Ему хотелось кричать. Единственный раз в жизни повезло. Женщина, о которой он так давно мечтал, захотела поехать в его дом ночью! И вдруг все пошло не так. Все. Абсолютно все! Нельзя ли вызвать полицейских через час? После того, как они сходят на второй этаж с Михаэлой? Мертвецу все равно. И вообще, с какой стати звонить в полицию? Это не его дом. Они начнут задавать вопросы, и Михаэла узнает, что он солгал ей. Это также говорило в пользу того, что надо... ну да, максимально использовать ситуацию.

– Ну так что, пошли наверх?

Кройтнер ободряюще улыбнулся Михаэле. Но она была в шоке, и ее глаза так расширились, что Кройтнер мог видеть белок вокруг радужки.

– Кто это? – спросила Михаэла.

Она показывала на что-то за спиной Кройтнера. Тот обернулся.

Она стояла там как привидение. Девушка в джинсах и кожаной куртке, растрепанные волосы, дезориентированный взгляд опухших глаз. Кройтнер знал ее. Это была Лара Эверс. Та самая, которая сказала, что Вартберга нет дома. В ее руке был пистолет.

– Лара, – сказал Кройтнер, делая паузу, чтобы дожидаться реакции. Ее не было. Девушка дышала тяжело и редко. – Только не волнуйся. – Кройтнер жестом велел Михаэле уйти. – Лара, ты меня слышишь?

Лара Эверс уставилась на Кройтнера, но было невозможно сказать, видит ли она его. Затем внезапно ее лицо оживо. Она испустила истошный вопль, подняла пистолет – и выстрелила...

Глава 4

Патрульная машина, подобравшая Вальнера, проехала по заснеженным лугам и лесу. Даже издали можно было видеть, как в ночи вспыхивают огни проблесковых маячков. Несколько автомобилей припарковались перед старым бывшим фермерским домом. На первом этаже – белая, в некоторых местах растрескавшаяся штукатурка, на втором этаже – темное дерево. Между транспортными средствами экстренных служб стоял собственный «Ауди А4 Авант» Вальнера.

Ледяной воздух обжег Вальнера, когда тот выскочил из машины. Он застегнул пуховик и направился к дому быстрыми чеканными шагами. На расстоянии он видел, как его коллега Джанет Боде разговаривает с двумя мужчинами. Они стояли рядом с машиной с номерами Розенхайма. Вальнер пришел к выводу, что это коллеги из криминальной службы, которых обычно вызывали на ночные происшествия. В этот момент Шартауэр вышел из двери и позвал Вальнера, сам он не должен был выходить за пределы зоны, отгороженной для нужд судебных экспертов. Вальнер подошел к Шартауэру.

– Это Манфред? – хрипло спросил Вальнер.

– Манфред с другой стороны. – Шартауэр кивнул на здание. – Мы поместили его за домом.

У Вальнера потемнело в глазах. В то же время он почувствовал: что-то не так. В тоне Шартауэра было своего рода недоумение: как будто здесь недостаточно проблем, так и Манфред тоже тут. Это не соответствовало трагизму обстоятельств. К тому же Вальнер вряд ли мог поверить, что они убрали тело Манфреда, прежде чем закончилось расследование обстоятельств смерти.

– Вы... перенесли тело?

Изумление отразилось на лице Шартауэра.

– Тело?

– Ты сказал, вы поместили Манфреда за домом.

– Манфред не умер. Что ты мелешь?

– Но тут же нашли пожилого человека?

– Да. Но это не Манфред.

– Ах вот как? Хорошо.

Короткая пауза. Вальнеру потребовалось разобраться в своих мыслях, глубоко вздохнуть, прежде чем облегчение разлилось по его телу.

– Нет, конечно, плохо. Но... – Вальнер снял очки и помассировал переносицу. – Дерьмо, я несию сюда как сумасшедший. И что здесь делает мой дед?

– Не имею понятия. Спроси его сам.

За главным домом стояла небольшая деревянная постройка с перекрытиями на верхнем этаже. Бывший сарай был превращен в гараж. Перед дверью гаража стояла машина скорой помощи. В ней сидела молодая женщина, которой занимались врачи. Двое полицейских, казалось, стояли на страже. Вальнер огляделся, но не нашел Манфреда, и снова вопросительно посмотрел на Шартауэра.

– За санитаркой! В гараже!

Вальнер поблагодарил и принялся обходить амбуланс. Внезапно перед ним предстали три фигуры, как из пьесы: мужчина в кожаных штанах и домотканой рубаше, с пером на тирольской шляпе, из-под шляпы выглядывала марлевая повязка. Рядом с ним была женщина в искусственной шубе, под которой она носила сверкающее платье с блестками, на ногах угги, через плечо маленькая сумочка, из которой торчали две сверкающие лодочки. И, наконец, Смерть с косой в руке. Все трое смотрели на Вальнера и молчали.

– Я волновался, – сказал Вальнер косарю.

– Прости, пожалуйста. Я ведь оставил тебе записку. – Манфред поежился в недрах своего черного плаща. – Или не оставил?

– Я не нашел никакой записки. Где ты ее оставил?

– Ну, на кухонном столе... – Костлявые пальцы теперь выковыряли из плаща небольшой квадратный лист бумаги. – А, я положил ее в карман. Мне жаль. Я забыл о ней от волнения. – Он передал записку Вальнеру. – Вот что там было.

«Я на карнавале, – значилось на бумаге. И дальше: Это может занять время, не жди меня».

Вальнер с недоверием вернул бумажку.

– Ты был на карнавале?

– Мы были там вместе, – сказал Кройтнер. – Решили немного развлечься. – Кройтнер усмехнулся.

– Мне холодно. Могу я наконец-то идти? – обратилась дама к Вальнеру. Видимо, она догадалась, что он имеет отношение к полиции.

– Вас уже опросили?

– Я поговорила с сотрудницей криминальной полиции.

Вальнер удостоверился, что адрес Михаэлы Хундсгайгер записан, и позволил ей идти. После этого он обратился к обоим мужчинам:

– Нам надо поговорить.

Глава 5

Берлин, начало 1996 года

Районный суд Моабит, отделение Шёффен. Ответчик Мириам Кордес выглядела мило. У нее были веснушки и зеленые глаза. Короткая прическа и цветастое платье молодой женщины были слишком хороши для того, в чем ее обвиняли: хранение четырехсот граммов кокаина вкупе с сопротивлением сотрудникам правоохранительных органов и нанесение опасной травмы. Взгляд девушки был тревожным.

На свидетельской скамье находился офицер из службы по борьбе с наркотиками. Судья расспросил его о рейде, в ходе которого задержали Мириам Кордес. В ее кожаной куртке было обнаружено четыре пакета, каждый из которых содержал около ста граммов кокаина. Когда на Кордес собирались надеть наручники, она сопротивлялась и ударила кулаком офицера. На лице его осталась рваная рана, потому что подсудимая носила на пальце большое кольцо с черепом – вот почему прокуратура обвинила ее в членовредительстве, а не простом нападении.

Председатель уже закончил допрос. Прокурор был в основном удовлетворен результатом, проверил две-три детали и собирался свернуть разбирательство.

– Господин защитник? – сказал председатель.

Дитер Зиттинг, метр восемьдесят пять, все волосы на месте, седеющие виски, черная мантия адвоката, кивнул и несколько мгновений смотрел на свидетеля, как скульптор, разглядывающий камень, прежде чем решить, где разместить долото.

– Вы сказали, что у подсудимой был кокаин в кожаной куртке? – начал он допрос.

Полицейский кивнул.

– Куртка была на ней?

– Нет. Она висела на спинке ее стула.

– Как вы узнали, что это был ее стул?

Офицер выглядел так, как будто его спросили о чем-то совершенно абсурдном, но он собрался.

– Там был стол со скамейкой и три-четыре стула. Мы нашли только обвиняемую и только одну куртку. Чья это могла быть куртка?

– Возможно, раньше там сидели другие люди.

– Это действительно возможно. На столе было много стаканов. Но все остальные исчезли, когда начался рейд.

– Вероятно, это происходило довольно быстро.

– Люди начинают нервничать, когда мы приходим.

– Хорошо. Но тогда куртка, возможно, принадлежала одному из этих людей.

– Ну, во-первых, если я ухожу, то, полагаю, возьму с собой свой пиджак.

– Если в нем четыреста граммов кокаина, а полиция уже в помещении? Тогда вы возьмете его с собой?

Смех в зале. Чиновник проигнорировал вопрос, подождал, пока станет тише, и продолжил:

– И, во-вторых, когда мы осматривали куртку, обвиняемая сильно нервничала. Мы предъявили ей кокаин и спросили, откуда он взялся. Она отвернулась и промолчала.

– Значит, она не признала, что кокаин принадлежал ей.

– Любой в подобной ситуации сразу говорит, что кокс не принадлежит ему. Любой.

– Записана ли где-нибудь эта статистика?

– Какая разница. Что бы вы сделали, если бы я подсунил кокс вам под нос, и он не ваш?

– Ну хорошо, я защитник. Полагаю, я ничего бы не сказал.

– Но любой, кто не является юристом, кричит благим матом, если его ошибочно обвиняют. Спросите любого другого полицейского, спросите психологов.

– Спасибо за подсказку. Но это не планируется делать прямо сейчас. Позвольте мне кратко рассказать... – Он повернулся к судебному столу: – Полиция встречает подсудимую в баре одну за столом с несколькими стульями. Кстати, она не убежала, как многие другие, что, по моему опыту, скорее указывает на то, что она не сделала ничего противозаконного...

– Она была слишком под кайфом, чтобы убежать, – вмешался детектив.

– Могу ли я быстренько закончить мысль? Спасибо. На одном из стульев висит кожаная куртка с четырьмя мешками кокаина. Полиция спрашивает обвиняемую, ее ли это кокаин. И что она делает? Она использует свое право не отвечать. Общеизвестно, что молчание в этом случае не должно рассматриваться как признание или каким-либо образом использоваться против обвиняемого.

Полицейский ошеломленно мотнул головой.

– Есть ли другие доказательства того, что кокаин находился во владении подсудимой? Наверное, нет, иначе вы бы обязательно это упомянули. Я все равно спрашиваю: например, отпечатки пальцев?

– Пластиковые пакеты, очевидно, долго находились во внутреннем кармане куртки. Из-за тканевой подкладки отпечатки пальцев стерлись, и их невозможно было идентифицировать.

– Были ли отпечатки пальцев подсудимой или волосы на куртке?

– Куртку не удалось обезопасить.

– О, как это?

– Там воцарился хаос. Когда мы допрашивали ответчицу, в дальнем конце бара вспыхнула драка. Мы должны были помочь коллегам.

– Никто не остался с подсудимой?

– Осталась коллега. Но у нее было множество дел помимо охраны подсудимой. Что именно произошло, невозможно сейчас восстановить. Во всяком случае, в конце концов куртки не оказалось на месте.

Зиттинг подождал несколько секунд, чтобы дать офицеру возможность оправдать себя. Но тот был опытным и знал, что любое дальнейшее слово усугубит ситуацию. Наконец Зиттинг сказал:

– Хорошо. Тогда подытожим: нет никаких доказательств того, что куртка и, следовательно, кокаин принадлежали обвиняемой. И она никогда этого не признавала. Я откровенно задаюсь вопросом: на каком основании составлен обвинительный акт?

Председатель взглянул на государственного прокурора, как будто та задавала себе подобный же вопрос.

– Ну, я думаю... – государственный обвинитель подбирала аргументы, – что... оценка... все обстоятельства позволяют сделать вывод, нет, даже отрицать, что кокаин находился во владении обвиняемой.

Она соприкоснулась с судьей взглядом в надежде, что его суждение, не искаженное ни одной юридической школой, докажет ценность ее мнения.

– Если вы так считаете, – сказал председатель.

И больше ничего. Было очевидно, что обвинение проиграло в своем самом важном пункте.

Сильвия Марек сидела у письменного стола и считала на калькуляторе, когда Зиттинг вошел в приемную. По тому как он открыл двери, она заключила, что он в хорошем настроении.

- И как прошло? – спросила она, продолжая считать.
- Шесть месяцев условно. Кокаин – больше не тема. Я приглашаю тебя на обед.
- На какие деньги?
- Деловой ланч. Половину заплатит государство.

Она оторвала взгляд от калькулятора и посмотрела на Зиттинга, как смотрят на шаловливого ребенка.

– Государство берет на себя половину только в том случае, если заплачены налоги. Это, в свою очередь, требует прибыли. А у нас ее нет.

- Да ладно. – Он рассмеялся.

Сильвия была на четыре года моложе его. У нее был слегка направленный книзу нос и маленький рот с постоянно сжатыми губами, что свидетельствовало о неумении расслабляться. Она носила очки из оранжево-красного пластика, одета была в рубашку и джинсы. Свободная рубашка скрывала несколько килограммов, которые она считала лишними, на ягодицах и бедрах. Сильвия работала секретарем адвоката в течение семи лет, с того времени, как он основал свою собственную юридическую фирму. Она была надежной и неутомимой и еще ни разу не взяла полный отпуск, хотя Зиттинг и выговаривал ей за это. Один или два раза они ужинали вместе, но Зиттинг никогда не стремился к более близким отношениям с ней. Хотя Сильвия, вполне очевидно, ничего не имела бы против такой попытки.

- У меня осталось тридцать марок. Мы едем к тайцам.

– О'кей. – Сильвия рассмеялась и посмотрела на свои туфли. – Но мы должны что-то сделать. Иначе в следующем месяце не сможем заплатить за аренду помещения.

– Пока мы можем выплачивать твою зарплату, все в порядке. – Зиттинг ловил взгляд Сильвии, но она отводила глаза. – Что такое?

- Мы не можем выплачивать мою зарплату. Уже три месяца как.

Зиттинг молчал.

– Все не так уж плохо, – тихо сказала Сильвия. Это прозвучало так, будто она сожалела, что сообщила неприятную новость Зиттингу.

Зиттинг все еще пытался найти нужные слова, когда внимание Сильвии переключилось на что-то, происходящее перед домом. Она встала и сделала шаг к окну.

- Что такое? – спросил Зиттинг. – Что он здесь делает?

Перед домом остановился черный лимузин, и из него вышел человек. На нем были костюм и галстук. Окно со стороны водителя было опущено, и мужчина в костюме что-то сказал водителю, после чего машина уехала. Человек в костюме подошел к дому.

- Этот вряд ли к нам?

Сомнение Сильвии было обоснованным. У них не водилось клиентов в костюмах. Было непонятно, что этот человек мог делать здесь, в глубинке Веддинга⁴. Едва он скрылся из виду в подъезде, прозвенел звонок.

- Открывай, – распорядился Зиттинг. – Судебные приставы выглядят по-другому.

⁴ Веддинг – район Берлина.

Глава 6

Этот мужчина был словно из фильма Лени Рифеншталь: белокурый, бледный, с угловатым подбородком и льдистыми глазами, в уголках которых наметились морщинки, когда этот господин лет сорока, войдя в кабинет, улыбнулся. Он сделал это с определенным обаянием, а затем сказал:

– Грегор Нольте – мое имя. Я хотел бы поговорить с господином Зиттингом.

– По какому вопросу?

– У меня проблема юридического свойства.

Сильвия сделала озадаченное лицо, как будто господин Нольте поставил ее в неудобное положение своим желанием аудиенции.

– Мне нужно посмотреть, найдется ли время, – сказала она и набрала что-то на компьютере. Календарь посещений лежал возле нее. Но она не хотела в него заглядывать, так как он был совершенно пуст. От коллег она слышала, что некоторые бюро назначают встречи по электронной почте. Это, безусловно, впечатлит господина Нольте больше, чем несчастный календарь. Побарабанив с минуту по клавишам, она взялась за телефон. – Вероятно, мы сможем что-нибудь сделать.

Пятью минутами позже – такого времени ожидания требовало самоуважение Зиттинга – господин Нольте сидел в кабинете адвоката, который разложил на столе три старых, давно закрытых дела, чтобы создать иллюзию бурной деятельности.

– Кофе? – спросил Зиттинг после того, как они с визитером обменялись рукопожатиями.

– Нет, спасибо. Ваша секретарша мне уже предложила. Очень мило.

– Что я могу для вас сделать?

Нольте огляделся:

– Вы работаете в одиночку?

– В настоящий момент да. Но предполагаю нанять со временем еще двоих-троих адвокатов. – Зиттинг приложил усилия к тому, чтобы не раскраснеться от этого смелого вранья. – Но рынок практически пуст. Столь многие отправились в новые земли...

– Да, я тоже слышал. Раньше там вообще не было юристов.

– По крайней мере, тех, кто знаком с западногерманским законодательством. – Зиттинг приподнял руки. – У вас проблемы с полицией?

– У меня было ДТП. И, к сожалению, с жертвой. Я под следствием за непредумышленное убийство.

Зиттинг кивнул. Речь Нольте была певучей, и Зиттинг не мог приписать это никакому диалекту. Вдобавок он выговаривал «т» относительно мягко, как в Баварии или Австрии. Он хотел бы спросить Нольте о его происхождении, но в тот момент счел неуместным.

Зиттинг попросил Нольте объяснить, что произошло, сделал заметки и заявил, что прежде всего запросит выписку из акта. Нольте не стоит слишком беспокоиться, при авариях со смертельным исходом прокуроры почти всегда проверяют, не является ли убийство непредумышленным. Если, как говорит Нольте, жертва внезапно выбежала на дорогу перед машиной, то никакое дело не будет заведено.

Нольте, похоже, был удовлетворен информацией, его беспокойство по поводу грозящего ему наказания уменьшилось. Зиттинг же испытал иное чувство.

– Еще одна мелочь, – сказал Зиттинг, когда Нольте уже собрался уходить.

– О, конечно! – Нольте сунул руку во внутренний карман пиджака. – Ваш гонорар. – Он достал стандартный белый конверт и положил его на стол.

– Я не это имел в виду.

– Я думал, что адвокаты работают только при условии уплаты аванса.

– Да – с клиентами, которые находятся в тюрьме и не производят впечатления, что своевременно оплачивают счета, это правда. В вашем случае это нечто другое.

– Иногда законы обманчивы. – Нольте рассмеялся и указал на конверт. – Вы должны это пересчитать и выдать расписку.

Зиттинг подумал секунду, должен ли он отказаться от денег. Нет, это было бы глупо. Он взял конверт и стал вынимать банкноты. Судя по размеру стопки, их должно было быть двадцать или тридцать. Зиттинг часто получал наличные деньги от своих клиентов и умел на ощупь определить сумму. Это тысяча, может быть, две тысячи марок.

Когда деньги появились на свет, Зиттинг наконец понял, что держал в руках. Сначала он заметил, что банкноты слишком большие для сотен. Затем увидел Лимбургский собор, а рядом с ним обрамленное коричневыми гильошами число: тысяча. Двадцать пять тысяч марок.

– Это слишком много, – сказал он. Столь крупная сумма вызвала у него беспокойство и чувство неловкости. – Мы никогда не придем к этой сумме.

– Возможно, с этим делом все так и обстоит. Но у меня есть достаточно работы для адвоката. Эти деньги точно будут отработаны. – Нольте приготовился уходить. – Просто пришлите мне расписку.

– Подождите... Я провожу вас. – Ни на что большее Зиттинг не был способен. Его переполняло волнение. Неужели Нольте предлагал работать для него постоянно?

Нольте остановился в дверном проеме.

– Что у вас был еще за вопрос? – Зиттинг сделал вид, что не помнит. – Вы хотели поговорить о чем-то еще, и это не гонорар.

– О, это... Да, я... я хотел спросить, не рекомендовал ли меня кто-нибудь. Я имею в виду, почему такой человек, как вы, отправляется к адвокату... – Зиттинг понял, что говорит не то, что нужно.

– Вроде вас? – закончил Нольте. – Сегодня я был в суде. Мне известно, сколько получает общественный защитник. И я никогда не видел, чтобы кто-то так хорошо выполнял такую работу за неприлично маленькие деньги.

Когда клиент покинул офис, Сильвия поспешила к окну. Водитель открывал дверь для Нольте.

– Мне он показался очень милым. – В глазах Сильвии мелькнули надежда и любопытство. – Чего он хотел?

Зиттинг положил деньги на ее стол:

– Сначала возьми причитающуюся тебе зарплату.

Глаза Сильвии расширились, когда она увидела стопку тысячных купюр. Обмахиваясь стопкой как веером, она смотрела на Зиттинга с открытым ртом.

– Такого не бывает! Чего он от тебя хочет?

Зиттинг подошел к окну, понаблюдав за машиной Нольте и скрестил руки на груди.

– Я тоже хотел бы это знать.

Глава 7

Округ Мисбах, 1 февраля 2016 года

Валльнер поговорил с Джанет, которая первой оказалась на месте происшествия. Она рассказала ему, что выяснила к настоящему моменту. Мертвеца звали Клаус Вартберг, ему было шестьдесят пять лет, в доме он жил один. Кройтнер и его спутники обнаружили тело примерно в 23 часа 15 минут. Причиной смерти явились, насколько можно было пока судить, огнестрельные ранения в грудь жертвы. Была задержана подозреваемая: Лара Эверс, девятнадцати лет. Она находилась в шоке, ею занимался дежурный врач. После того как выяснилось, что от нее не приходится ожидать показаний, ее отвезли в больницу в Агатариде, чтобы проверить, не вызвано ли ее психическое состояние употреблением алкоголя и наркотиков. Кройтнер застал ее в доме с оружием в руках и задержал. Что именно произошло, все еще не вполне ясно. Во всяком случае, Кройтнер ранен в голову. Также было непонятно, что Кройтнер и его спутники делали в доме. Пока Джанет поговорила только с Михаэлой Хундсгайгер (в то время как Кройтнеру оказывали первую помощь). Однако и эта свидетельница была одновременно как в шоке, так и под влиянием алкоголя.

Пассажирское отделение полицейского фургона было оснащено столом и скамейкой. Там сидели Браконьер и Смерть, собираясь с мыслями и готовясь к вопросам. На столе стоял термос и кофе в трех бумажных стаканчиках. Двигатель работал из-за обогрева салона. Валльнер в принципе очень правильно относился к вопросам охраны окружающей среды и каждый обогревший кусок дерева нес в биопомойку. Однако, когда проблемы окружающей среды столкнулись с потребностью Валльнера в тепле, приоритет получала защита от холода. Валльнер сел на откидное сиденье возле стола, скрестил руки на груди и сказал:

– Я слушаю.

– Что именно? – спросил Кройтнер.

– Давай сначала. Как получилось, что вы обнаружили мертвеца?

– Хороший вопрос, – вздохнул Кройтнер и помешал кофе в своем стаканчике. – Стало быть, все началось на мельнице Мангфалль. Мы были там на карнавале. И там я попробовал позвонить господину Вартбергу.

– Откуда ты его знал?

– Вообще-то я его не знал. Я знал Лару Эверс. Ту, которая стреляла. А она знала Вартберга.

– Так почему ты позвонил Вартбергу?

– Некий Гарри Линтингер, хозяин мельницы Мангфалль, – вы его знаете, – сказал, что ему нужен еще кто-то в помощь, потому что было много народу. И тогда я предложил привезти Лару. Она часто прислуживает на мельнице Мангфалль.

– Я все еще не понимаю, какое ко всему этому имеет отношение господин Вартберг.

– Сначала я попробовал позвонить Ларе. Но попал на автоответчик. – Кройтнер тянул время, чтобы придумать историю как можно более близкую к реальности, надеясь, что они не будут проверять каждую деталь. – Если она выходит куда-нибудь, то чаще всего к Вартбергу.

Валльнер посмотрел на своего дедушку, тот пожал плечами.

– Итак, я сначала позвонил Ларе Эверс, затем Вартбергу. Обычно он всегда дома. Но не в этот раз. Поэтому-то я и подумал, не случилось ли чего. Неплохо бы проверить. Именно так и произошло.

Валльнер хмыкнул скептически:

– Ты очень заботлив.

– Я полицейский.

Валльнер посмотрел на дедушку:

– Ты тоже это слышал?

– Я просто старый дурак, – хрипло рассмеялся Манфред. – От меня никакого толку.

– Вы поехали туда, чтобы убедиться в своей правоте?

Кройтнер кивнул.

– Насколько мне известно, у тебя сейчас нет водительских прав.

– А я и не вел машину.

Валльнер слегка смутился.

– Женщина?

Кройтнер покачал головой и указал на Манфреда.

– Что?! – Валльнер растерянно уставился на дедушку.

– Да, и что такого? У меня есть водительские права.

– Разве мы не договорились, что ты больше не будешь ездить?

– Похоже, ты что-то путаешь.

– Ты сказал, что больше не едешь за рулем. После того, как разбил последнюю машину.

– Я сказал: не волнуйся. Мне больше не хочется кататься. Вот что я сказал.

– И что изменилось?

– Сегодня я снова получил от езды удовольствие.

Валльнер повернулся к Кройтнеру:

– Знаешь ведь, что он не может переключать скорости.

– Он и не должен был этого делать.

– Как так? Вы проделали на первой передаче весь путь?

Кройтнер и Манфред переглянулись.

– Ладно, допустим. А как насчет женщины? – Эта парочка уже стала выводить Валльнера из себя.

– Это Лара Эверс.

– Нет, другая, в блестящем костюме.

– А, эта... Ее зовут Михаэла Хундсгайгер, и... она тоже с нами поехала.

Валльнер молчал в ожидании объяснения.

Кройтнер пожал плечами:

– Ну, она запала на меня. Мы очень сблизились во время костюмированного бала и в какой-то момент, скажем так, решили сменить локацию.

– Я думал, что ты покинул мельницу Мангфалль из-за Вартберга. Теперь ты говоришь, что хотел отправиться куда-нибудь с госпожой Хундсгайгер. Ты хотел пристроиться здесь?

– Конечно нет. Я направлялся... в свой дом. И подумал, что можно проехать мимо Вартберга. Так мы и сделали. И когда приехали сюда, въездные ворота были открыты. Я подумал: «Это посреди ночи? Странно!»

– Въездные ворота открыты... – пробормотал Валльнер, кивая.

– Да, так, а потом я позвонил у входной двери – и что ты думаешь? Никто не отозвался. Я осторожно толкнул дверь, и оказалось, что она была просто прикрыта. Ну, а затем оп-па – и мы нашли старика.

– И Лару Эверс с пистолетом.

– Да. Ее тоже.

– Она была в спальне у тела? – уточнил Валльнер.

– Ну, она внезапно возникла позади меня. В коридоре.

– Значит, ты не видел, как она застрелила человека в постели?

Кройтнер покачал головой.

– Как долго ты уже знаешь эту женщину?

Кройтнер снова пожал плечами:

– Она приехала сюда два года назад и работает у Гарри Линтингера. До этого она жила в Регенсбурге, во всяком случае, так сказала.

– Шартауэр говорит, что у нее есть судимость. Среди прочего, за нанесение телесного повреждения.

– Я не удивлен. Она та еще ведьма! Особенно если с кем-нибудь заестся.

– Ты думаешь, это она застрелила Вартберга?

Кройтнер возвел очи горе:

– Откуда мне знать? Я не психолог.

– А как насчет жертвы? Клауса Вартберга?

– Имени я не знаю. Его всегда называли просто Вартберг. Мне известно о нем только потому, что Лара Эверс часто его упоминала.

Это было не совсем верно. Гарри Линтингер разнюхал, что кажущийся странным Вартберг, очевидно, был человеком состоятельным, и поделился с Кройтнером. Вероятно, Линтингер знал о Вартберге намного больше, но не хотел обременять этим знанием своего полицейского друга.

– Денежки у него водились. Откуда, никто не знает. Также неизвестно, из каких краев он приехал и как долго здесь жил... Но он не местный, это точно.

– И какое отношение имела эта девушка к убитому?

– Они были друзьями.

Вальнер недоверчиво посмотрел на него.

– Подробностей я не знаю, что там была за дружба?... – поспешил заметить Кройтнер.

– Мы узнаем. – Вальнер налил себе кофе из термоса. – И как ты сумел ее обезвредить?

Кройтнер рассказал, что Лара Эверс запаниковала, увидев загримированного под Смерть Манфреда, и выстрелила, но вместо этого попала в него, Кройтнера, слегка задев голову. Отдача оружия, которой девушка, по-видимому, не ожидала, выбросила пистолет из ее руки, и тот упал на пол, где его подхватил Кройтнер. Михаэла Хундсгайгер, чьи нервы уже были на пределе, по-видимому, приняла кровь на голове Кройтнера за полноценное попадание и пережила шок.

– Она стреляла в тебя? – Вальнер внимательно посмотрел на деда, словно искал пулевые отверстия.

– Она просто подумала, что я Смерть. Разве можно обвинить бедную девушку за это.

– О боже! – Вальнер закрыл лицо руками. – Я отсутствовал в доме в течение всего нескольких часов! – Внезапно он выпрямился, как будто что-то вспомнил. – Кстати, о доме... Давайте вернемся к причине вашего присутствия здесь. – Вальнер взглянул на Кройтнера. – Джанет уже поговорила с госпожой Хундсгайгер. Она думает, что это твой дом.

– Мой дом? – Кройтнер рассмеялся. – Нет-нет. Возможно, она не поняла, что я хочу остановиться где-то еще по пути домой. Потому и решила, что это и есть мой дом.

– Видимо, ты сделал вид, что это твой дом, и открыл дверь ключом. А потом решил смешать коктейль для госпожи Хундсгайгер.

– Это она так сказала? – Кройтнер выглядел ошеломленным.

– Да, она так сказала.

– Между нами... – Кройтнер понизил голос, – она проглотила что-то на мельнице Мангфалль. Не знаю, что это было. Не удивляйся, если эта женщина говорит странные вещи.

Вальнер повернулся к Манфреду:

– А ты что можешь сказать?

– Я должен был сосредоточиться на вождении. И не слышал, о чем говорят молодые люди.

– Ну конечно... – Валльнер решил разобраться с дедушкой позже. Он не хотел, чтобы его дурачили.

В дверь постучали.

– В чем дело? – крикнул Валльнер наружу, не открывая, потому что в машине наконец стало более или менее тепло.

– Ты идешь? – раздался голос Джанет. – Я хотела бы показать тебе кое-что.

Глава 8

Галогеновая лампа подсвечивала заднюю часть дома. Джанет кивнула на снег перед окнами, за которыми располагалась гостиная. Снежная поверхность была не гладкой, как в остальной части сада, а зернистой и неровной, как будто с крыши низверглась лавина.

– Видишь этот снег? – Джанет указала на место.

Валльнер отступил на несколько шагов от дома и поднял глаза.

– Это не свалилось с крыши. Наверху все на месте.

– Снег кто-то перекопал.

Валльнер обнаружил лопату, которая была прислонена к стене дома немного в отдалении.

– Интересно почему?

– Хотел скрыть что-то, – сказала Джанет.

– И что же? – Валльнер опустился на колени, чтобы взглянуть на снег поближе.

– Кто-то подошел здесь к окну. – Джанет смотрела на место. – Потом уничтожил свои следы. Зачем?

Валльнер пожал плечами:

– Потому что не хотел быть узанным?

– Похоже на правду.

И снова пили кофе. Валльнер уже достиг своего оптимума, но прочим троим нужно было больше кофеина, чтобы не уснуть. Валльнер, Джанет, а также Оливер и Тина из департамента судебной экспертизы провели импровизированное совещание в хорошо прогретом полицейском фургоне. Валльнер сообщил, что сказал ему Кройтнер. Теперь вопрос состоял в том, как действовать. Валльнер назначил председательствующей Джанет, ведь она оказалась на месте преступления первой и могла лучше оценить ситуацию.

– Лара Эверс, девушка с пистолетом, конечно, наш главный подозреваемый. Кстати, у нее есть судимость за нанесение опасных телесных повреждений. Два года назад она ударила кого-то ножом. Тогда ей было семнадцать. Вы ее осматрели?

– Да. На следы крови и пороха. Мы взяли несколько образцов с кожи. И заставили отдать нам одежду. Я отправил сотрудника с ней в больницу. – Оливер налил себе еще кофе из термоса. – Но все это, вероятно, мало что даст.

– Почему?

– Потому что она выстрелила из пистолета в Кройтнера. И порох мы найдем в любом случае. Однако это не значит, что она застрелила старика. Вот если мы найдем на ней кровь жертвы, это будет лучше. Но она, или из осторожности скажем пока – преступник выстрелил через одеяло. Я не думаю, что кровь разбрызгана по комнате. Во всяком случае, мы не нашли ее вне кровати.

– Может быть, криминалисты обнаружат какие-то частицы на одеяле, – вмешалась Тина. – Из-за выстрелов много чего поднялось в воздух. Перья, клещи, текстильные волокна. Может быть, что-то осело на девушке.

– Но даже если они ничего не найдут, – сказал Валльнер, – это не значит, что Лара Эверс невиновна. Пистолет, из которого она выстрелила, был орудием убийства?

– В магазине не хватает пяти патронов, – уточнила Тина. – Четыре – в груди Вартберга, один – в стене в коридоре. Я думаю, что баллистическая экспертиза подтвердит, что это орудие убийства.

– Если Лара Эверс не убивала, то она взяла пистолет позже, после того как кто-то другой выстрелил, – предположила Джанет. – В таком случае преступник оставил оружие на месте

происшествия. Такое бывает редко, но не исключено. Тогда возникает вопрос: кем был неизвестный? Тот, со снежными следами.

– Внучка, которая хотела приготовить сюрприз для бабушки? – подсказал Валльнер.

– Если только у внучки сорок шестой размер обуви...

– Вы можете сказать, как давно оставлены снежные следы?

Тина посмотрела в свой планшетный компьютер.

– Снегопад начался сегодня днем около семнадцати часов. То есть следы были оставлены позже. В противном случае над ними был бы новый слой снега.

Валльнер взглянул на Тину:

– Медик сказал что-нибудь о времени смерти?

– Он говорит, что это случилось не так давно. Не более трех часов назад. Так что между девятью и одиннадцатью. Помимо судебного медика, кстати, прибыл государственный прокурор из Мюнхена. Некто специально приглашенный. Йобст Тишлер, который, как и положено государственному прокурору, завтра проведет предварительное расследование.

– Хорошо. Завтра мы узнаем больше, – сказал Валльнер. – Кто будет вскрывать?

Тина назвала себя. В этот момент зазвонил мобильный Валльнера. Разговор был краток, и Валльнер повторил указания, которые, по-видимому, дал ему звонящий.

– Шартауэр находится в полукилометре отсюда и говорит, что у него есть свидетель, которого мы должны выслушать. Может быть связано с таинственными снежными следами.

Глава 9

Появление многочисленных полицейских в столь поздний час привлекло внимание жителей нескольких домов в округе. И коль скоро они проснулись, их удалось опросить. Прежде всего сотрудники, отправленные Джанет, должны были выяснить, когда Лара Эверс отправилась в дом Вартберга, и были ли замечены поблизости другие люди или транспортные средства. Расследования Шартауэра дали результат.

Симона Петценбергер была довольно привлекательной дамой лет пятидесяти, с вы светленными волосами и спортивной фигурой. Она работала по контракту медицинским ассистентом в Мисбахе и жила с мужем и сыном на той же улице, что и Клаус Вартберг. Их дом принадлежал родителям Петценбергера, но мать несколько лет назад умерла, и отец предпочел перебраться в дом престарелых, чтобы быть «среди людей», как процитировала его госпожа Петценбергер. Ее наблюдение было интересным, сказал Шартауэр, именно поэтому и позвал Джанет и Вальнера.

– Итак, госпожа Петценбергер, не могли бы вы повторить нам то, что сказали господину Шартауэру? – Джанет и Вальнер стояли в гостиной семейного дома Петценбергеров.

– Относительно машины? – спросила госпожа Петценбергер.

– Да, про машину.

– В половине одиннадцатого здесь проехала машина. В том направлении, где живет господин Вартберг. Мне это показалось странным, потому что из соседей, как правило, никто так поздно не ездит. Они все уже в постели.

– Вы поняли, что это за машина?

– Нет. Было темно.

Джанет подошла к окну большой гостиной. Патрульная машина Шартауэра и автомобиль, на котором приехали Джанет и Вальнер, стояли под фонарем, освещающим двор. Далее были въездные ворота, за ними – улица. Через боковое окно гостиной были видны проблесковые огни полицейских машин вдали.

– Вы видели машину через окно? – спросила Джанет.

– Да, именно так.

– Она подъехала к дому господина Вартберга? – Джанет указала на боковое окно.

– Я не знаю.

– Но вы видели машину.

– Да.

– И это показалось вам странным.

– Как я уже сказала.

– И вы не посмотрели, куда она направляется?

Симона Петценбергер беспомощно пожала плечами.

– Она ничего не видела, – произнес мужской голос.

Вольфганг Петценбергер, муж Симоны, стоял в дверях кухни. Седые волосы закрывали уши. Под красной рубашкой поло виднелся солидный живот. Госпожа Петценбергер пристально смотрела на мужа.

Он повернулся к Вальнеру:

– Вольфганг Петценбергер. Я – муж. Вы проводите расследование?

– Госпожа Боде, главный детектив, проводит расследование. – Он указал на Джанет. – А моя фамилия Вальнер.

– Очень рада познакомиться, – сказала Джанет, не подавая руку Петценбергеру. – Мы беседуем с вашей женой. И будем признательны, если вы оставите нас еще на несколько минут.

– Она ничего не видела.

– Что тебе неймется? – Симона Петценбергер сунула руки в карманы.

– Просто мне не доставляет удовольствия, что некая Петценбергер рассказывает ерунду полиции. – Петценбергер повернулся к Джанет, которую теперь почитал за власть. – Она слышала это от нашего сына. Он годами рассказывал страшные истории о господине Вартберге.

– Как будто ты когда-нибудь с ним разговаривал. – Симона Петценбергер принужденно засмеялась, но на лице ее отразилось презрение.

– Так вы видели машину или ваш сын?

Симона Петценбергер закатила глаза.

– Мой сын.

– Можем ли мы в таком случае поговорить с ним?

– Сейчас он плохо себя чувствует.

– Ах, ерунда! – отмахнулся Вольфганг Петценбергер. – Просто малыш недолюбливает полицию.

– Действительно ли он нездоров или просто не хочет общаться с полицией, – вмешался Вальнер, – ему придется ответить на несколько вопросов.

Норберт Петценбергер был метр девяносто два ростом и весил, включая нердовские очки и жирные волосы, сто четырнадцать кило. Футболка поверх массивного торса объявляла о мировом турне культовой группы Metallica вместе с Suicidal Tendencies в 1993 году. Кройтнер знал Норберта по мельнице Мангфаль. Там его называли Чуваком. Но Кройтнера тут сейчас не было. Джанет отправила его домой.

В двадцать пять лет Норберт Петценбергер все еще жил с родителями и, предположительно, зарабатывал на жизнь, программируя приложения и другие интернет-сервисы. Вальнер припомнил, что молодой человек когда-то попадал в полицию за подобные услуги.

– Я ничего не видел.

Парень, держа одну руку на косяке, заполнил собой дверной проем в свою детскую комнату, другой рукой он тянул ко рту банку Red Bull. Его настороженный взгляд бродил между Вальнером и Джанет.

– Я знаю, что ты что-то видел, – предприняла попытку разговаривать его мать. – Дорогой, ты должен рассказать об этом полиции.

– Я ни хрена никому не должен.

Норберт Петценбергер повернулся к присутствующим спиной, и вид в детскую скрыли перевернутые даты тура. Metallica смешно напечатала их, поставив с ног на голову. Сразу после этого дверь захлопнулась.

Симона Петценбергер виновато посмотрела на комиссаров:

– Он не совсем обычный.

– Я тоже, – сказал Вальнер и отправился звонить по телефону.

Кройтнер, как и предполагал Вальнер, еще бодрствовал и сразу подошел к телефону.

– Петценбергер? Конечно, я его знаю. А в чем дело?

– Кажется, он что-то видел, но не хочет нам рассказывать. – Вальнер встал возле бокового окна гостиной Петценбергеров и смотрел на проблесковые огни, которые пробивались на полкилометра сквозь ночь. – Я думал, у тебя может быть идея, вроде... ну, как мы можем его взломать.

– Что ты хочешь знать? Как шантажировать его?

– Что в твоём понимании означает шантаж... – Вальнер подыскивал слово получше.

– Шантаж означает шантаж. Выложите винты с накатанной головкой, покажите орудия пыток. Господин прокурор Тишлер называет это «принуждение».

– Я просто хочу получить некоторую информацию... найти подход к молодому человеку.

- Ты хочешь его шантажировать.
- Нет, я просто...
- Ты лицемер. Паршивый мелкий лицемер.
- Может быть, – согласился Вальнер. – Но что позволяет тебе судить других?
- Я просто хочу, чтобы ты это сказал. Скажи: «Я хочу шантажировать Петценбергера».
- Да что с тобой?
- Просто скажи это.
- Лео, ты не можешь опуститься так низко!
- Откуда тебе знать, как низко я могу опуститься!

Вальнер услышал несколько тяжелых глотков на другом конце линии, а затем что-то вроде похлопывания.

- Ты там пьешь?
- Скажи это!

Еще один большой глоток. Вальнер огляделся. На кухне, дверь в которую была открыта, тихо разговаривали Симона Петценбергер и Джанет. Вольфганг Петценбергер стоял перед домом на подъездной дорожке и курил сигарету.

- Да, боже ты мой, – пробормотал Вальнер в телефон, – я хочу его шантажировать.
- Все предложение: «Я хочу шантажировать Норберта Петценбергера...»
- Теперь поставь точку. Его мать стоит рядом со мной! – Вальнер все еще говорил шепотом.

– Ладно, тогда слушай. – Кройтнер усмехнулся на другом конце линии. – Так вот. Петценбергер – хакер. Он часто тусуется с тремя корешами на мельнице Мангфалль. И у него постоянный напярк с отцом. Тот хотел бы выгнать его из дома.

- Это соответствует моим наблюдениям.
- Пока, видимо, папаша не нашел причины. Но из надежного источника я знаю, что Норберт взломал как-то служебные материалы своего отца.
- А чем папочка занимается?

– Он отвечает в районном управлении за охрану природы. Тогда там был большой процесс, я думаю, о бумажной фабрике. Не важно. Во всяком случае, Чувак за что-то разозлился на отца и стер все. Данные просто исчезли. Потребовалось несколько недель, чтобы все вернуть на место. И старик не знает, кому он должен за это.

- Какая бумажная фабрика?
- «Луизенталь».
- Вроде слышал про такую.

Глава 10

Валльнер остановился перед комнатой Чувака и протолкнул под дверь записку. Затем он постучал.

– Я знаю, что вы не хотите с нами разговаривать. Но это изменится после того, как вы прочтете записку, которую я только что подсунул под вашу дверь.

В течение нескольких секунд ничего не происходило. Затем Валльнер услышал, как под гигантским телом Норберта Петценбергера застонали половицы. Шаги приблизились к двери, и воцарилась тишина. Затем через закрытую дверь донеслось:

– Что за дерьмо?

– Я не обязан вам ничего объяснять.

Ключ повернулся в замке, дверь приоткрылась немного, только до тех пор, чтобы показалось широкое лицо парня.

– Если вы пригласите меня внутрь, наше общение будет значительно конфиденциальнее.

Петценбергер открыл дверь и впустил Валльнера в комнату. Комната была заполнена компьютерным оборудованием, на стене красовались постеры трилогии «Матрица», на неубранной постели поверх подушки воцарился разодранный мешок чипсов, пустые банки из-под Red Bull валялись рядом с кроватью. Полные были, вероятно, в черном холодильнике рядом со сканером.

Петценбергер уставился на Валльнера со смесью беспокойства и отвращения. Валльнер взял у него записку.

Там рукой Валльнера было написано: «Охрана природы» и «Луизенталь».

– Уберем, чтобы, чего доброго, не потерялась здесь, в доме. – Валльнер сунул записку во внутренний карман своей куртки.

– Я понятия не имею, что вы имеете в виду. – Петценбергер указал на пуховик Валльнера.

– В любом случае рад, что вы открыли мне дверь. – Валльнер наполовину вытащил записку из кармана куртки. – Может быть, ваш отец с этим разберется?

Чувак хмыкнул и зашаркал к офисному креслу на колесиках, куда и рухнул.

– Что вы хотите знать?

– Все, что вам известно. О господине Вартберге и обо всем, связанном с его смертью.

– Полиция изъяла у меня компьютер полгода назад. Я хотел бы его вернуть.

Валльнер знал, что расследование дела Петценбергера продолжалось. Куда все повернется, он не знал, но предпочитал разыгрывать карту отца Петценбергера, хотя и не хотел этого показывать.

– Вы получите свой компьютер, когда он больше не будет нужен. Кстати, я напомним следующее: дело, касающееся вашего отца, наказуемо по нескольким статьям Уголовного кодекса, особенно 303a и 303b. Никакие уголовные обвинения еще не выдвинуты, но все может измениться, если ваш папаша узнает, кто подложил ему свинью.

Валльнер придвинул к себе складной стул, снял с него коробку из-под пиццы, вместе с использованным резак и кофейной чашкой, положил их на пол и сел напротив Петценбергера. Тот откинулся в своем офисном кресле, сложив руки на животе, смотрел вызывающе. Наконец он повернулся к компьютеру. Через пару кликов на экране появилась страница Гугл. Петценбергер напечатал: «Кlaus Вартберг» – и показал результат:

– Вот, смотрите!

Валльнер пробежал глазами результаты поиска.

– Ничего. Только управление недвижимостью, владелец которой по имени Клаус живет в деревне под названием «Вартберг». – Петценбергер указал на экран. – Это все. А я, уж поверьте, искал.

– И какой вы сделали вывод?

– Этот господин Вартберг был странной птицей. Некто, не оставляющий никаких следов в Интернете, – как-то подозрительно в наше время, верно?

– Есть много пожилых людей, которые не зависают в социальных сетях.

– У Вартберга водились деньги. Машина была недешевой.

– Похоже на то.

В гараже Вартберга стоял БМВ Х5. Вальнер оценил стоимость где-то между шестьюдесятью и восемьюдесятью тысячами.

– К тому же у него был большой дом, и он не работал.

– Откуда вы это знаете?

– Он почти никогда не покидал дом.

– Есть люди, которые работают дома. Онлайн, например.

– Но только не Вартберг.

– Ах так? – Вальнер вопросительно посмотрел на Петценбергера. – Вы можете сказать это с уверенностью?

Петценбергер не ответил. Но было ясно, что мог. Видимо, он взломал компьютер Вартберга.

– Ну, допустим, у Вартберга были деньги. На что вы намекаете?

– Некто с деньгами обычно засвечивается где-то в Сети. Как акционер компании, как благотворитель или потому, что его наградили медалью. Но не Вартберг! И поверьте мне – я искал.

– Мы узнаем, кто этот человек и как он зарабатывал деньги.

– Возможно, я могу быть вам полезен. А потом мы поговорим о моем компьютере.

– Значит, вы некоторое время наблюдаете за Вартбергом?

Чувак неопределенно пожал плечами.

– Как вы думаете, кем он был?

– Есть несколько возможностей. Ну, например, ключевой очевидец в программе защиты свидетелей.

– В таком случае все равно надо зарабатывать на жизнь.

– Отставной секретный агент. Или что-то незаконное.

– Вы начитались плохих триллеров. Давайте придерживаться жестких фактов: сегодня вы заметили подозрительную машину и рассказали об этом матери?

– Это было в десять часов двадцать девять минут вечера. Я как раз вышел на балкон. И все видел.

– Что именно?

– Машину. В это время она проезжала мимо дома. По направлению к Вартбергу.

– Что это был за автомобиль?

– Понятия не имею. Комби, я думаю. Трудно разглядеть в темноте.

– И почему машина показалась вам подозрительной?

– Ну, была почти ночь. И обычно ездят со светом, верно?

– Вы имеете в виду...

– Машина проехала с выключенными фарами.

Вальнер застегнул молнию на пуховике и надел шерстяную шапку. Петценбергер же стоял в футболке Metallica рядом с ним на балконе и, по-видимому, ничуть не мерз. Вальнера пробила дрожь от одного взгляда на него.

– Нет, нет, он не доехал до Вартберга.

– Вы сумели разглядеть это, хотя он ехал без света?

– Потому что я заметил, как он паркуется. Тормозные огни включились. Я вернулся в комнату и выключил свет, чтобы не маячить на виду.

– Вы видели, как этот мужчина вышел из машины?

– Я не знаю, был ли это мужчина. Вы можете разглядеть с такого расстояния? Но кто-то вышел и пошел дальше. В конец улицы.

Вальнер внимательно посмотрел в том направлении, куда указывал Петценбергер. Между заснеженными лугами тянулась узкая кривая дорога. В некоторых местах снежный покров прохудился, и проступал лежащий под ним асфальт. Эти пятна можно было разглядеть и в темноте.

– Не могли бы вы сказать, где была машина?

– Возможно, это был поворот к Кирмайеру. Больше здесь, пожалуй, нет места, где вы можете припарковать машину, не блокируя дорогу.

Слева и справа от дороги были сугробы, не очень высокие, но все же такие, что в них могла застрять машина. Вальнер потянулся за мобильным телефоном и набрал номер.

– Когда водитель вернулся?

– Понятия не имею. В какой-то момент мне стало скучно, и я снова полез в компьютер. В следующий раз, когда я посмотрел, там уже была полиция.

Участок возле поворота, который указал Петценбергер, был оцеплен лентой, а лампа для строительной площадки обеспечивала яркий свет. Вальнер попросил Тину и Оливера отвлечься от осмотра дома и уделить внимание следам, которые неизвестный автомобиль мог оставить в снегу.

Сначала следственная бригада все сфотографировала и даже на глубоком снегу смогла сделать почти идеальный силиконовый отпечаток шины. Тем не менее невооруженным глазом было видно, что отпечатки оставлены более чем одним автомобилем. Но, вероятно, можно было определить, какие следы шин добавлены последними.

Было уже очень поздно, когда Вальнер, Джанет, Тина и Оливер снова вошли в полицейский фургон. Никто больше не хотел кофе.

– По мнению Петценбергера, с Вартбергом что-то не так. Что мы знаем о нем?

Тина открыла на планшетном компьютере изображения нескольких предметов, которые исследовала.

– Мы не много о нем нашли. Существует папка с несколькими документами. У него есть частная медицинская страховка. Его пакет ценных бумаг стоимостью миллион. Но кроме этого? Нет сертификатов, спортивных призов, свидетельств военной или гражданской службы. Ничего, что выходит за рамки 2008 года. Только свидетельство о рождении.

– В доме отсутствуют семейные фотографии, – добавил Оливер. – И в его адресной книге нет никого, кто отмечен как член семьи. Конечно, мы должны проверить все контакты. Но это очень странно для человека за шестьдесят.

– Единственное, что выходит за рамки свидетельства о рождении, – это папка газетных вырезок. – Тина вывела на экран соответствующую фотографию.

– Вырезки? О чем?

– Все статьи об афере с недвижимостью в девяностые годы. Компания, которая обанкротилась, называлась «Шварцвассер». В то время, вероятно, это вызвало настоящий переполох. По крайней мере, в Берлине. Это в основном берлинские газеты.

Никто не мог ничего припомнить относительно скандала двадцатилетней давности. Только Оливер, приехавший из Берлина, смутно вспомнил что-то такое.

– Что ты собираешься делать? – спросила Джанет. – Спецкомиссия?

Учитывая, что преступник, вероятно, уже был арестован, созыв специальной комиссии из тридцати должностных лиц был бы несколько несоразмерным. Но Вальнер почувствовал какой-то подвох.

– Я еще не знаю, – сказал он. – Прежде чем решиться, мне нужно поговорить с девушкой. Неужели я единственный, кому все это кажется странным?

Все собравшиеся закивали. Вальнер попрощался до следующего дня и отправился домой. Манфред, вероятно, уже спал. Разговор придется отложить до завтра.

Глава 11

Валльнер стоял перед своим домом второй раз за вечер. Свет и на сей раз не горел. Когда он повернул ключ, ему пришло в голову, что, возможно, его дедушки еще не было дома. Валльнер искал признаки присутствия Манфреда, но не нашел ни одного. Он положил ключи от машины в муранскую пепельницу перед зеркалом в гардеробной. Знакомый звон ключей о стекло, затем ни звука. Валльнер слушал. Только слабое, но отчетливое тиканье нарушало тишину. Это были электрические настенные часы на кухне. Валльнер удивился, что они слышны в гардеробной. Должен ли он разбудить Манфреда? Нет. Ему хотелось поговорить прямо сейчас, но придется подождать до завтра.

Валльнер включил свет на кухне и открыл холодильник. После вечерних волнений ему хотелось пива. Не слишком много. В восемь нужно встать. Он захлопнул дверцу холодильника и потянулся к открывалке для бутылок, которая висела сбоку на веревке. Уже когда Валльнер протянул руку, на кухне что-то изменилось. И было ясно, что изменилось оно не к лучшему. Не только к плохому, но и к по-настоящему скверному. Валльнер покрылся гусиной кожей с головы до ног. Он чувствовал себя как в фильме ужасов. Сцена, показывающая нежить, приближающуюся к ничего не подозревающей жертве. Валльнер дернул головой. Неконтролируемый животный крик вырвался у него. Пивная бутылка выскользнула из рук, упала на пол, не разбилась, покатила по линолеуму к холодильнику, как будто хотела вернуться в безопасный морозильный ящик.

– Проклятие! Я думал, ты в постели!

Под широкими полами шляпы Валльнер узрел череп. Манфред, все еще в костюме Смерти, сидел на угловой скамейке за кухонным столом.

– Сколько тебе лет? Восемь? – Валльнер наклонился, чтобы поднять бутылку.

– У тебя нет чувства юмора? Это же карнавал.

– Да, между делом я его приобрел. Пива?

– Пшеничного.

Валльнер достал пшеничное пиво из холодильника и вылил его в специальный стакан, который позволял Манфреду пить даже при дрожании рук. Он страдал от болезни Паркинсона, которая, к счастью, прогрессировала медленно. Манфред надеялся, что она не настигнет его в гонке до могилы.

После того как Валльнер налил пшеничного пива, они чокнулись.

– Но нужно признать одно: маска потрясающая, не так ли? – Манфред усмехнулся.

– Полагаю, что разгримировка не займет много времени, – подколот Валльнер.

Хихиканье Манфреда приблизилось к астматическому хрипу, и пшеничное пиво почти разлилось.

– Я рад, что ты в таком хорошем настроении. И не хочу его испортить. Но я хотел бы поговорить с тобой кое о чем еще.

– Ах да! Теперь забавам приходит конец. Я вижу это по твоему лицу.

– Скажем так: я был очень озадачен, когда узнал.

Манфред сделал хороший глоток и, с помощью Валльнера, дрожащей рукой поставил стакан на стол. Он посмотрел на пену, стекающую по краю стекла.

– Это звучит не очень хорошо.

Валльнер вздохнул.

– Итак, я был сегодня у Стефани.

– Ну нет, нет! Рак снова... – Манфред остановился на середине фразы.

– Нет-нет. С Оливией все в порядке. Анализ хорошие. Но это косвенно связано с ней... Манфред с беспокойством посмотрел на Валльнера.

- Стефани получила электронное письмо. Был анонсирован визит. Теперь угадай, чей?
- Понятия не имею. Разве я знаю, кто их посещает?
- Да, ты это знаешь. Отец Оливии обнаружил, что у него есть дочь и хочет ее увидеть. Манфред устался на Валльнера с открытым ртом:
- Как... отец? Ральф?
- Да. Ральф Валльнер возвращается через сорок лет. Сильно, не так ли?

Манфред слегка покачал головой. Кто-то подумал бы, что это дрожь Паркинсона. Но Валльнер умел различить. Его дед был в шоке. Сын Манфреда Ральф, отец Валльнера, сорок лет назад отправился в Венесуэлу в качестве инженера. Это должно было занять полгода. Ральф так и не вернулся. Сначала написал письмо, что задержится на более продолжительное время, а затем и вовсе ничего не сообщил. Из отеля в Каракасе, где компания поселила его, он отправился в неизвестном направлении. Он ушел с работы. В течение многих лет Валльнер не терял надежды, что его отец однажды вернется. После окончания университета он отправился в Венесуэлу и искал его на Ориноко, потому что вроде бы его кто-то там видел. Но отец исчез. В какой-то момент Валльнер успокоился и редко думал о Ральфе. Пока два года тому назад Стефани и ее приемная дочь Оливия не появились в его жизни. Биологическая мать Оливии проводила отпуск в Венесуэле и встретила Ральфа, тогда, по-видимому, бодрого мужчину в возрасте пятидесяти лет, который управлял пляжным рестораном. Только дома женщина поняла, что беременна от него. Сразу после рождения Оливия отправилась к своей приемной маме Стефани, живущей около Хольцкирхена. Когда Валльнер встретил Стефани в рамках расследования убийства и выяснил, что у него имеется единокровная сестра, его охватил соблазн сесть в самолет и отправиться побеседовать с отцом. Но это, по его мнению, не стоило унижения бегать за ним, как изгнанная собака.

- Да... тогда он придет и к нам, правда? – К Манфреду вернулась речь.
- Он ничего не сказал об этом.
- Но... если он появился после столь долгого отсутствия, тогда он не уедет без того, чтобы... это не сработает. – Отчаяние отразилось на лице Манфреда.
- Нет. Это невообразимо. – Валльнер задумчиво отхлебнул пива из бутылки. – Он не сказал Стефани, что хотел бы навестить и нас. Он даже не сказал, что у него есть родственники здесь.
- Ему не нужно говорить об этом со Стефани. Он объявится. – Манфред прильнул к своему стакану.
- Конечно. Он просто должен заглянуть в телефонную книгу. – Валльнер посмотрел на этикетку бутылки с пивом, поэтому ему не пришлось смотреть на бабушку.
- Итак, он возвращается после стольких лет.

Это должно было звучать непринужденно, с фаталистическим легким смешком в конце. Голос Манфреда был ослабевшим. Валльнер больше не мог отводить взгляд. Когда он поднял глаза, увидел то, чего боялся увидеть. Впервые он увидел, как его дед плакал, когда бабушка оставила его. И это было четверть века назад.

Глава 12

Берлин, лето 1996 года

– Мне нравится, – сказал Грегор Нольте. Его взгляд бродил по офисной стене с новыми полками, заполненными дорогостоящими юридическими трудами. Часть стены была оставлена свободной, чтобы был виден темно-зеленый цвет, в который она была покрашена. Там висел офорт Хорста Янсена⁵ в филигранной рамке. Он стоил недешево. Но Зиттингу картина понравилась по многим критериям, и он, несмотря на некоторые опасения, купил ее за счет фирмы. – Бизнес идет хорошо?

– Да, у нас есть новые клиенты.

– Надеюсь, у вас еще есть время для меня. – Нольте улыбнулся, его голубые глаза глядели прямо на Сильвию.

– Не беспокойтесь. У нас всегда есть для вас время.

Нольте, вероятно, знал, что теперешнее благосостояние было связано с ним одним. Зиттинг проделал хорошую работу по делу об автомобильной аварии со смертельным исходом и обнаружил двух свидетелей, которых не нашла полиция. Они видели, что жертва, тридцатипятилетний мужчина по имени Бласич, выбежал с тротуара на дорогу без предупреждения. У Нольте не было возможности уклониться от столкновения. Прокуратура наконец-то это поняла. Следствие было прекращено. После этого Нольте дал фирме еще больше заказов. Они в основном касались его компании, которая занималась самыми разнообразными делами, в частности такими, как импорт российского чая или управление недвижимостью. Юридические задачи были, соответственно, разнообразными: договорные споры, правоприменительные вопросы, учредительные компании и многое другое. Зиттингу нужно было разобраться в этом всем, потому что он был адвокатом защиты и не имел ничего общего с принудительными взысканиями или договорными контрактами компании со времен университетских экзаменов. Но дополнительные усилия того стоили. Нольте платил почасовую ставку в двести пятьдесят марок.

Открылась дверь кабинета Зиттинга. Вышла Мириам Кордес, которую он защищал в суде, Зиттинг последовал за ней.

– Ну не знаю я, почему забыла позвонить ему. Я всегда осторожна и...

Кордес шла напролом и выглядела соответственно. То, что было аккуратной короткой стрижкой в суде, теперь торчало клочьями на голове, и круги возле глаз больше не скрывались под макияжем.

– Не стоит понапрасну беспокоиться. – Зиттинг коснулся руки молодой женщины. – Я позвоню и поговорю с ним, хорошо?

– Было бы здорово, если бы вы это сделали. Потому что у меня всегда возникает неприятное чувство, когда приходится с ним говорить.

Зиттинг поймал взгляд Нольте, дал понять, что он позаботится о нем немедленно, и сопроводил продолжающую болтать Мириам Кордес к двери.

– Вам не следует тратить время на таких людей, – сказал Нольте, когда они вошли в кабинет Зиттинга.

– Это моя работа.

⁵ Янссен Хорст (1929–1995) – известный немецкий художник и иллюстратор.

– Это расточительно. – Нольте сел на стул для посетителей. – Я говорю не о деньгах. Я говорю о том, чтобы не тратить зря свою энергию. Вы не сможете помочь всем таким людям.

– Я должен, по меньшей мере, попробовать.

– Эта женщина использует вас. Вы защищаете ее в суде, и в благодарность она не приносит вам ничего, кроме неприятностей. Вместо того чтобы искать работу и завязать с наркотиками, она снова триндит не по делу и не звонит своему инспектору по условно-досрочному освобождению. Или что это было?

Зиттинг молчал.

– Платит ли она вам, если вы звоните ее инспектору?

Зиттинг перегнулся к нему через стол:

– Послушайте, господин Нольте, я ведь не говорю вам, как следует выполнять свою работу. И мне хотелось бы ожидать подобного отношения.

– Как хотите. Больше никаких бесплатных советов. – Нольте добродушно усмехнулся. Казалось, ему понравилась реакция Зиттинга. – Давайте поговорим о моих проблемах.

Зиттинг откинулся назад и взял блокнот, на который положил шариковую ручку. Нольте закинул ногу на ногу.

– Один из моих сотрудников вынужден был принять участие в драке и находится в тюрьме. Я хочу, чтобы вы представляли его интересы в суде.

– Как зовут этого человека?

– Александр Шухин. Он сидит в окружной тюрьме Моабит. Был арестован вчера вечером. Я смог позвонить ему. Он знает, что вы придете.

Зиттинг сделал пометки в своем блокноте.

– Что вы знаете об этом деле?

– Немного. Шухин поссорился с кем-то и избил его, что вовсе ему не свойственно. Гражданский патруль, вероятно, обратил внимание на драку и арестовал Шухина. Он говорит, что это была самооборона. Другой участник драки начал первым.

– Вероятно, тот говорит то же самое.

– Я не знаю. Но думаю, что другой участник еще не в состоянии говорить.

Зиттинг в изумлении поднял брови, но ничего не сказал.

– Хорошо. Я займусь этим делом.

– Большое спасибо. Конечно, я заплачу за это. – Нольте достал из пиджака белый конверт и положил его на стол.

– Спасибо, – сказал Зиттинг, не касаясь конверта. – В следующий раз, пожалуйста, переведите на счет. У меня возникают проблемы, когда я получаю так много наличных платежей.

Зиттинг привык к повышенной бдительности в вопросах отмывания денег, которая законодательно предписывалась банками в течение последних нескольких лет.

– Я немного старомоден. Только наличные. – Нольте усмехнулся. – Возьмите на этот раз. Вам не нужно вносить деньги на свой счет. Это может плохо сказаться на имидже фирмы.

У Зиттинга мелькнула мысль, что и впрямь не стоит регистрировать полученный гонорар. Но он не знал, проверяет ли налоговая инспекция, был ли перечислен гонорар за каждую процедуру. Если налоговики это делают, то с него потребуют объяснений.

– Спасибо в любом случае. – Он взял конверт. Сколько внутри, он не представлял, но наверняка более чем достаточно, насколько он знал Нольте. – Могу я что-нибудь еще сделать для вас?

– Да, небольшая услуга, если вы поедете к Шухину. – Нольте снова полез в карман пиджака, на этот раз с другой стороны, и вытащил сотовый телефон. – Будьте так добры, отдайте это Шухину. – Он положил телефон на стол.

– Извините, но я не могу этого сделать. Заключенным запрещено пользоваться телефонами.

– Это плохо. Я должен как-то связаться с этим человеком. У него есть оперативная информация, которая мне от него нужна.

– Я могу подать заявление об освобождении. Но уверен, что они откажут.

– Вы могли бы просто взять с собой телефон. Или вас досматривают?

– Обычно нет. Но если на сей раз такое произойдет, это может стоить мне лицензии.

– Если вас досмотрят, скажите, что это ваш телефон.

– Послушайте... – Зиттинг придвинул телефон к Нольте. – Есть правила, которые я должен соблюдать в качестве адвоката. И этими правилами запрещено доставлять незаконные вещи в тюрьму. Это просто не работает.

– Ага, – произнес Нольте, беря со стола телефон. – Конечно, все в порядке, как я только что сказал. Вы... не хотите этого делать.

– Верно. Я не хочу этого делать.

Нольте посмотрел на телефон в руке, кивнул и скривился:

– Это весьма досадно. Я думал, что у нас доверительные отношения.

– Так и есть. Только, как юрист, я не буду делать ничего запрещенного. Если я потеряю лицензию, вы не сможете быть моим клиентом.

– Как я только что сказал, это было очень важно для меня. – Он встал и положил в карман телефон. – Хорошо. – Нольте, казалось, был глубоко разочарован Зиттингом. – Может быть, вы еще передумаете. Тогда позвоните мне сегодня до двух часов дня. Всего доброго.

Нольте вышел из кабинета, не пожав руки, и попрощался с Сильвией, не переходя границы элементарной любезности. Когда дверь за ним закрылась, Зиттинг появился в приемной.

Сильвия посмотрела на него так, словно мгновение назад взорвалась бомба:

– Что происходит?

Зиттинг прихватил у азиата за углом рисовую лапшу с курицей в арахисовом соусе. Огромной порции хватило на двоих, а у Зиттинга все равно не было аппетита.

– Как думаешь, что он сделает, если ты не протащишь телефон в тюрьму?

– Понятия не имею. Надеюсь, он понимает, что это невозможно.

– У меня не сложилось такого впечатления. А почему он сам этого не сделает?

– Не так просто добиться посещения. Он же не родственник.

Некоторое время оба предавались размышлениям. Зиттинг ковырялся палочками в белой голубой миске, в которую положил свою порцию, но не ел.

– Ты беспокоишься, – сказала Сильвия, – что он уйдет.

Зиттинг пожал плечами:

– Конечно. Я надеялся, что мы вылезем из долгов. И теперь все рушится снова.

Он опустил палочки. Сильвия положила ладонь на его руку, и он ей позволил.

– Мы переживем и это. – Она сжала его руку, он ответил на рукопожатие, не поднимая глаз на нее. – Ты отличный адвокат. С течением времени в этом убедится еще больше людей.

– За исключением некоторых мошенников, которые не могут заплатить. Семь лет дают себя знать. – Теперь он взглянул на нее. – Я так устал от ежедневной борьбы.

– Значит, ты хочешь это сделать? – В ее глазах читалось беспокойство. – Если они поймут тебя, это конец.

Зиттинг встал и подошел к окну.

– Тогда мне придется делать что-то другое. Может быть, это и правильно. Поехать к Рюдигеру в Уккермарк и выращивать там овец. – Рюдигер Отт был младшим единоутробным братом Зиттинга.

– Нет. Ты должен быть адвокатом – это твоя жизнь. Ты всегда был счастлив в прошлом, даже когда дела шли плохо.

– Это правда? Я был счастлив?

Зиттинг подумал об этом и улыбнулся. Да, он не мог представить себе работу, которая делала бы его настолько счастливым. Он родился адвокатом. Только не мог выгодно продать себя. Он не был Рольфом Босси⁶. Он просто умел защищать наркоманов и мелких воришек и иногда помогал оступившемуся молодому парню подняться на ноги. Он был хорош в этом, и одновременно здесь крылась ошибка. Он слишком много времени тратил на свои дела. Строго говоря, за деньги, которые государство платило ему за обязательную защиту, у него даже не было времени пролистать дело. Он никогда не ставил свои гонорары во главу угла. Но он, вероятно, получал бы лучшую почасовую плату в Макдональдсе. Если говорить честно, дела шли хорошо только в том случае, когда у юридической фирмы был спонсор. И это точно был Нольте. Он по какой-то причине закачивал щедрые деньги в кассу Зиттинга. Если поток денег прекратится, все пойдет прахом. В частности, существование Сильвии зависело от этой юридической фирмы.

Должен ли Зиттинг предать принципы, которые всегда были для него священными?

– Я полагаю, что господин Шухин просто важен для Нольте, – сказал он наконец. – Во многих компаниях есть люди, которые все знают. Там, где другие тратят часы на поиски, они сразу же узнают, в чем проблема и как с ней справиться.

– Ну да. Глупо, если такой незаменимый сотрудник оказывается в тюрьме. – Сильвия, похоже, была не слишком убеждена в теории Зиттинга.

Он сел за стол и пожевал палочку.

– Полагаю, я не тот, кто позволяет себе такое. Я... рыцарь принципов.

– Думаю, хорошо, что такие люди есть.

– Спасибо. – Зиттинг горько улыбнулся. Вероятно, ему следует закрутить роман с Сильвией. Почему бы и нет? – Но я никогда не понимал, почему люди, которые не признаны виновными, рассматриваются как осужденные преступники. Например, ты не можешь использовать телефон, если тебя прикрыли.

– Таков закон.

Зиттинг откинулся на спинку стула и огляделся. Посмотрел на новую офисную мебель, офорт Янсена на зеленой стене, новый компьютер Сильвии, кресло в соседнем кабинете, чья кожа пахла благородно, и книжные полки с решениями государственного суда и юридическими обзорами.

Он был человеком принципов. Да, но существовали люди, которые в нем нуждались. Люди, которых в противном случае защищал бы кто-то, кого их судьба не волновала. Почему он протестовал против сотового телефона в кармане рубашки? Ему пора повзрослеть. Мир – не пансион для благородных девиц.

– Я могу добыть билеты на Бон Джови. Хочешь пойти?

Сильвия была удивлена сменой темы и довольна предложением.

– Очень хочу!

Его глаза упали на настенные часы. Два без четверти.

⁶ Босси Рольф (1923–2015) – известный немецкий адвокат и медийная фигура.

Глава 13

Мисбах, 1 февраля 2016 года

Следующее утро было еще более ледяным, чем ночь, которую оно сменило. Вальнер отправился в офис пешком, чтобы согреться. Когда он двигался, его тело разогревалось, когда же сидел неподвижно, обмен веществ, казалось, полностью прекращался, и Вальнеру становилось холодно. Манфред был необычайно спокойным за завтраком. Возвращение сына занимало его. Оно занимало и Вальнера. На самом деле он был рад, что сегодня расследование убийства отвлечет его от размышлений.

Вальнер вошел в полицейский участок примерно в половине девятого, что было для него поздновато. Но после всего четырех часов сна, однако, это было бы рано. Вальнеру не хотелось работать уставшим. Он начал немного позже, зато пришел со свежей головой.

Сразу же после проверки электронной почты Вальнер позвонил в больницу в Агатариде. Лара Эверс находилась теперь в закрытом психиатрическом отделении и могла быть опрошена.

Затем Вальнер поговорил с Оливером, чтобы узнать, что обнаружили в лаборатории. Тина уже была в Мюнхене, где должна была присутствовать на вскрытии. Прокурор Йобст Тишлер, который появится только в 11:30, хотел тут же услышать все о деле. Вальнер решил пока заняться Ларой Эверс вместе с главным инспектором Майком Ханке, своим старшим коллегой. Но ему пришлось отложить допрос. Секретарша с коммутатора сказала, что Норберт Петценбергер хочет поговорить с Вальнером из-за убийства, произошедшего прошлой ночью. Должна ли она соединить. Вальнер ответил положительно.

– Я вспомнил кое-что еще, – сказал Петценбергер, также известный как Чувак, голосом, как подумалось Вальнеру, злобным. – Я вчера забыл в суете.

– Очень хорошо, что вы сразу позвонили, – подбодрил Вальнер, раздумывая, что же сейчас услышит.

– Вы не поверите, но вчера я сделал фотографию машины. Ну, той машины, о которой я вам рассказывал.

– Это замечательно. Вы можете отправить нам фото?

– К сожалению, есть проблема.

Вальнер подумал, что это уловка. Предположительно, Петценбергер приберег эту деталь, чтобы продать ее полиции как можно дороже.

– Какая проблема?

– Я отправил фотографию на свою электронную почту, а затем удалил ее. Но, к сожалению, не могу больше войти в свою почту.

– Почему вы не можете зайти в свою электронную почту?

– Это всего лишь один из многих моих адресов. Конечно, каждый со своим собственным паролем, и я их регулярно меняю, как следует делать любому добропорядочному пользователю. Одним словом, я не помню пароль.

– Я думал, что вы хакер. А вы не можете зайти в собственный аккаунт?

– Непрофессионалы представляют это слишком легким делом. Но в реальности все не так, как в кино.

– И как это происходит?

Чувак поколебался мгновение, потом прочистил горло и сказал:

– В компьютере, который конфисковала полиция, находится пароль. Если бы я смог вернуть его...

- Вы не можете. Он, как вы правильно заметили, конфискован.
- Хорошо, тогда...
- Речь же идет не о компьютере, которому уже несколько лет, не так ли?
- Нет. Я обеспокоен тем, что хранится на жестком диске. Я не смог сделать резервную копию.

Валльнер задумался.

– Приходите и попросите госпожу Боду. Она будет в курсе. Вы можете сделать копию диска под наблюдением. А потом дайте нам фото.

На другом конце линии было тихо, пока не раздалось облегченное:

– Круто.

Когда оба комиссара вышли из машины на больничной автостоянке, позвонил Кройтнер, который узнал, что Валльнер собирается заняться Ларой Эверс.

- Почему ты не сказал? С ней должен был работать я.
- Потому что...
- Потому что я ее знаю. Это сложно. Если вы не выберете правильный тон, то ничего от нее не добьетесь.
- Так ты с ней встречаешься?
- Как тебе сказать – мы знаем друг друга. Она доверяет мне.
- Ах да. Потому-то она и застрелила тебя.
- По недомыслию. Это не нужно переоценивать.
- Держись подальше от больницы. Я дам тебе знать, когда ты мне понадобишься. – Валльнер отключился.
- Сердечко мое, Лео. – Майк перелистнул отчет. – У Эверс вчера во время преступления было два и три десятых промилле.

Окно было зарешечено и без ручки. Заключенные из закрытых отделений с радостью использовали оконные ручки, чтобы повеситься.

Валльнер посмотрел на молодую женщину, которая сидела напротив него. Она выглядела иначе, чем вчера вечером, когда он увидел ее в машине скорой помощи. Не так испуганно, но устало. По-видимому, седативные средства еще не закончили свою работу. Лара Эверс сидела на кровати, комиссары – на двух раскладных стульях, которые после их ухода будут вынесены из комнаты.

– Вас зовут Лара Эверс, и вы живете в Гмунде, Макс-Обермайер-штрассе, 17, родились 22 августа 1997 года в Берлине? – Валльнер начал допрос.

– Вы это уже знаете.

– Я понимаю это как «да». – Валльнер вытащил из пуховика сотовый телефон. – Я хотел бы записать наш разговор. Тогда не будет никаких сомнений относительно того, что было сказано. Вы можете получить копию аудиофайла.

Эверс задумалась.

– А если я этого не хочу?

– Тогда мы составим протокол, – сказал Майк. – Это будет не буквально то, что было сказано. Мы запишем все так, как поняли.

– Включите вашу штуку.

Валльнер активировал функцию записи мобильного телефона.

– Госпожа Эверс, вы находитесь под подозрением в убийстве известного вам Клауса Вартберга. Вы можете поговорить с нами, если не против. Вы также можете нанять адвоката.

– Не могу позволить себе адвоката.

– В таком случае вы получите его от государства.

– Да, раньше у меня был такой. На суде он знал только мое имя.

– Значит, без адвоката?

Эверс покачала головой.

– Вы готовы давать показания?

Эверс ответила хлопком ресниц.

– Просто расскажите, что случилось вчера вечером в доме господина Вартберга.

Лара Эверс сузила глаза, как будто хотела лучше видеть то, что сохранилось на задворках ее памяти.

– Я приехала где-то в девять. На скутере. Ночью было довольно холодно. Да... и потом чего-то поели и поболтали. В гостиной. И выпили. Крепкое, водка в основном.

– Вы делаете это часто?

– Я навещаю его время от времени. – Вместо более подробного объяснения Лара Эверс молчала, уставившись в стену.

– Что вы делали во время этих посещений?

– Говорили. И пили. У него всегда было что-то. Хорошие напитки.

– Вчера вы тоже выпили?

– О да.

– Много?

Она сжала губы и кивнула:

– Кое-что проглотили. Клаус, то есть господин Вартберг, действительно дал себе волю. – Лара Эверс сделала паузу. На ее лбу образовались капли пота. – А здесь нечего выпить? – Она огляделась.

Вальнер кивком указал в сторону кувшина и стакана, оба из пластика.

– Я не это имею в виду. – Взгляд Эверс стал беспокойным и слегка агрессивным.

– Вы в больнице, – напомнил Майк, наливая Ларе стакан воды.

Она выпила ее залпом. Вальнер разглядывал девушку. Кожа была гладкой, как и ожидается в возрасте девятнадцати лет. И все же несколько морщин уже наметилось в уголках рта и на лбу. Тени под глазами также показывали, что она испытала больше, чем положено девятнадцатилетней девушке. Вальнер представил себе, как его дочь Катя, которую он видел слишком редко, будет выглядеть в девятнадцать. И его одолела печаль, которая в последнее время приходила все чаще. Так или иначе, с годами он стал тонкокожим. Разве не должно быть наоборот?

– Вы, стало быть, пили вместе. – Майк вырвал Вальнера из мрачных мыслей. – Что было дальше?

– В какой-то момент я заснула. А потом... – Она поиграла пластиковым стаканом и сделала паузу. И во время этого перерыва, казалось, очень тщательно думала о том, что скажет комиссарам. – Тогда я снова проснулась. Потому что... потому что меня кто-то коснулся. – Эверс сжала губы и посмотрела на улицу. Несколько ветвей плясали на зимнем ветру перед зарешеченным окном. – Это был он. Потрогал меня за грудь. Пока я спала. Я думаю: дерьмо, он сумасшедший. Я убрала его руку. Но он не останавливался. Потом схватил меня за руку и потащил в спальню. Я сказала, что он должен остановиться. Но он был настолько пьян, что не понял этого. А потом... – Она уставилась на светло-серый линолеум пола и открыла рот, но никаких слов не последовало.

Вальнеру показалось, что она пыталась произнести что-то чудовищно сложное и не находила слов.

– А потом?... – помог Майк.

– Не знаю точно. Может быть, там лежал пистолет. Она посмотрела прямо на Вальнера. – Он хотел изнасиловать меня!

– Не могли бы вы описать более подробно – как вы стреляли? – Валльнер наклонился вперед, уперев локти в колени. – Постарайтесь вспомнить. Важно, что именно произошло.

Лара Эверс закрыла глаза и задумалась. Ее напряжение было очевидно.

– Пистолет, который был... на тумбочке. Я взяла его и нажала на спуск.

– Сколько раз?

Эверс поколебалась.

– Это произошло так быстро... И я была пьяна. Дважды?

– Вы взяли пистолет с тумбочки и выстрелили?

Лара Эверс кивнула.

– Вы должны были что-нибудь сделать, чтобы выстрелить?

Она пожала плечами.

– Снять с предохранителя?

Лара Эверс непонимающе посмотрела на Валльнера.

– Вы знаете, как снять пистолет с предохранителя?

– Как сказала, я точно не помню. Все происходило так быстро, и еще алкоголь...

Валльнер взглянул на экран своего мобильного телефона, чтобы посмотреть, ведется ли запись.

– Но вы точно помните, что мистер Вартберг потащил вас в спальню?

– Да. Он потащил меня в спальню и хотел напасть на меня. Я застрелила его, чтобы остановить. Я не хотела убивать.

Валльнер изучал лицо Лары Эверс. Она что-то рассказывала о себе? Нервозность, прыжки с темы на тему, по-тирания руками по бедрам, некоторая поспешность сказали бы ему: «Барышня, ты врешь!» Нет, не было ничего подобного. Возможно, ее история была правдой? Однако опыт сказал Валльнеру, что все не так. Девушка врет. И без каких-либо признаков угрызений совести. Вероятно, привыкла лгать с детства.

– Как вы познакомились с господином Вартбергом?

– В Регенсбурге. В пабе. Я работала там, и однажды вечером он зашел выпить. У нас завязался разговор.

– Он к вам приставал? – Майк перешел к сути вещей.

– Да нет. Это был тип доброго дедушки. – Она снова задумалась над вопросом. – Ну, он ко мне не приставал. Просто говорил со мной, и болтал, и болтал. Он вернулся на следующий день. А также приходил в следующие дни. И в какой-то момент сказал: «Не хочешь ли переехать на Тегернское озеро? Я устрою тебя на работу». Конечно, я подумала, что от меня хочет старый пенёк?

– Когда это было? – спросил Майк, предостерегающе взглянув на Валльнера: не встревай, пока кто-то говорит!

– Год назад. – Эверс сделала паузу. – Или два? Время летит так быстро.

– Итак, вы задавались вопросом, чего хочет от вас господин Вартберг? – Валльнер попытался вернуть ее в нужное русло.

– Да, логично. Конечно, я думала, что он на меня запал. Но нет... он никогда меня не трогал. Даже не пытался. Всегда был вежлив и не интересовался моей задницей.

– До последней ночи. – На этот раз Валльнер прервал ее. – Противоречие было слишком очевидным.

– Да... до вчерашней ночи. Он внезапно вышел из себя. Не знаю... может, что-то вбил себе в голову.

Лара Эверс замолчала.

– До вчерашней ночи, вы говорите, мистер Вартберг был мил с вами. В чем это выражалось?

Валльнер открыл записную книжку и сделал пометку: «Отношения Эверс / Вартберг???»

- Он иногда давал мне деньги. И если у меня были проблемы, я всегда могла прийти к нему. Не знаю, почему он это делал.
- Был ли он одинок?
- Возможно. Думаю, у него не было друзей. Время от времени он разговаривал с соседями, больше ничего. Может, поэтому.
- Что?
- Поэтому он был добр ко мне. У него не было никого другого.
- Вы его любили?
- Прикиньте. Я тоже знаю не так много людей. Я не придирчива.
- Что вы знаете о господине Вартберге?
- Он много читал. И каждый месяц ходил на концерт в Мюнхене. Я тоже. Но это дерьмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.